

ЗОЛУШКА И ЕЕ СЕСТРА

1.

1930 год

Скрипки полыхнули, лизнули густеющую вечернюю синеву, и запели, закружили, прихватили с собой знобящий речной ветерок...

Девушки придержали на коленях разволновавшиеся маркизетовые юбки, подставили ветру бессмысленно счастливые лица и пышные вьющиеся волосы.

Они сидели не на лавках, где вполне можно было отыскать два свободных места, а на парапете, над самым обрывом, заметные отовсюду на фоне пустого неба, подоженные оранжевыми отблесками оркестровой раковины.

Ти-иии-ям-там-там...

Музыканты, сидящие слева, все посматривали на них поверх своих пюпитров, поверх оранжевых скрипок. Черные фраки на спинах напрягались и морщились, смычки восторженно взмывали и яростно рвали вниз поперек грифов...

Господи! Не девушки, а волшебное видение! Не верилось, что еще бывают такие. И как-то особо интересно казалось то, что их двое, то, что они совсем разные, а вместе с тем чем-то похожи, хотя старшая, конечно, гораздо красивее. Глаза просто-таки немыслимые!

Казалось, весь оркестр играет только для этих двоих.

Ии-ии-та-тим-тата, тим-тата, тим-тата...

– Этот в очках, со светлыми волосами – правда, красивый? Он все время на нас смотрит! – шепнула младшая прямо в пышные завитки сестры.

Та усмехнулась, потянула ее за руку.

– Пойдем!

Младшая пошла покорно, ожидая какого-то необыкновенного поворота событий, но оказалось, что они просто спускаются по людным аллеям, наперекор всеобщему движению вверх, к музыке, к свету.

– Чайковский, – огорченно приостановилась младшая.

Было странно и даже как будто оскорбительно, что музыка продолжается там без них...

– Зачем мы так рано уходим? Ты боялась, что он пристанет, да, Соня?

Старшая повела плечами. Плечи были крепко отведены назад, присогнутые локти за спиной почти касались друг друга. Лизочка вытянулась всей своей длинной фигуркой, невольно копируя осанку сестры. Идти было неловко, колени подгибались, крутизна спуска грубо подгоняла вниз, и было, как в детстве, страшно сорваться с дорожки и провалиться в пустоту, полететь в обрыв, цепляя ветви вековых деревьев, чудом держащихся на отвесных склонах.

По городу вечно ходили жуткие истории: то о ребенке, побежавшем за обручем, то о девушке, отпрянувшей от нахального кавалера. В последние годы к этим историям прибавились новые – с яркой политической окраской: бежавший из тюрьмы бандит... мстительный белогвардеец, пробравшийся из-за границы, подкарауливает старого врага, или просто какого-нибудь ценного ответственного работника...

Глухие стволы стояли неподвижно и беспорядочно, будто замерли, принимая важное решение. Лизочка прямо-таки обрадовалась, когда за крутым поворотом наткнулась на милиционера.

Он прохаживался под фонарем, вдоль газона с горящими цветами, вырванными из темноты. Их краски и запахи казались Лизочке нестерпимо яркими. Особенно поражали оранжевые и алые настурции: они не меркли по мере удаления от фонаря, а, наоборот, как бы раскалялись все яростнее – изнутри.

– Видела?!

– Что видела? – снисходительно улыбнулась Соня, ловя и прижимая к коленям заматавшееся платье.

– Милиционера. Он и сейчас на тебя таращится, даже рот открыл.

Соня фыркнула. Они как раз подошли к первому пролету парадных ступеней. В темноте шуршал и сыпал водяной пылью фонтан. Люди, поднимавшиеся навстречу, смотрели на них. Лизочка знала, что не будь рядом Сони, на нее бы никто не оглянулся. И этот красивый скрипач не отворачивался бы так беспокояно, и не был бы так напряжен его светлый висок.

– Соня! Как я тебе завидую! – в голосе ее не было зависти. – Какая ты счастливая!

Трамвай уже трогался с остановки, но вагоновожатый издали заметил их и подождал, пока они добегут и сядут. В тусклом свете трамвайного нутра, без цветов, без скрипок, без реки, беззвучно движущейся в черной бездне, Соня как-то поблекла. Лизочка бегло взглянула на свое отражение поверх плотной темноты окна и показалась себе не настолько уж хуже сестры. Она тут же ужаснулась, возмутилась своей крамольной мысли.

– Если бы я захотела, – сказала вдруг Соня, будто угадала мелькнувшую в душе сестры тень сомнения, – если бы я только захотела, все эти мужчины, – провела она по кругу подбородком, – сейчас же пошли бы за мной! Выскочили бы на этой же остановке!

Они вышли. Подождали, пока трамвай отъедет, и перешли дорогу.

– Смотри! – дернула Лизочку за руку неугомонившаяся Соня.

По тротуару со стороны их дома шел молодой священник. Шел, торопливо налегая на левую сторону, черная ряса полоскалась, обрисовывая крупное тело, вздувалось парусом покрывало на спине.

Лизочка послушно остановилась на перекрестке у гранитной надолбы. Стыдясь и восхищаясь, следила за тем, как сестра поплыла ему навстречу. Лизочка пыталась разглядеть что-то особенное в повадке сестры, в ее движениях. Ничего особенного не было. Раза два блеснули глаза на низко опущенном лице священника. Поравнявшись с Соней, он ускорил шаг, но, пройдя еще немного, будто запнулся. Постоял. И повернулся назад, тяжело, неуверенно, неизвестно зачем... Ветер дернул черное покрывало и залепил ему лицо. И тут же Соня, которая не могла ничего этого видеть, скользнула в чужое парадное.

Лизочка ждала, пока священник пройдет мимо. Она чувствовала себя виноватой перед этим красивым большим человеком, чуждым всему вокруг. Будто и по ее, Лизочкиной, вине с ним произошло что-то постыдное. Она поспешила к парадному, где пряталась Соня. Там было темно, и казалось, что в этой темноте никого нет.

– Со-оня! – позвала Лиза.

– Ушел? – донеслось из-за двери.

Соня шагнула на улицу.

– Фу! – брезгливо поежилась она. – Там такая вонь! и паутина!

Их собственное парадное находилось в двух шагах. Там было сравнительно чисто и не так темно. Круглая серебристая луна светила прямо в окна, выходящие на лестничные клетки. Домой не хотелось. Они присели рядышком на подоконник.

– И как это у тебя так получается? – сказала Лиза, любясь освещенным сбоку лицом сестры.

– Ты о ком это? О попе?

– Да так, вообще... Обо всем.

За дверью брякнула цепочка, щелкнул замок. Отец показался на пороге. Страшный, как привидение, в белом белье, с небритым лицом, освещенным снизу керосиновой лампой.

– Что, не нагулялись еще? Не наговорились?

Лиза скользнула мимо отца, на ходу чмокнув его в мятую щеку. Запах родного дома поднял в ней привычное чувство разочарования. Будто вернулась она не домой, а куда-то в далекое прошлое. Где все длится и длится что-то чуждое ей, скучное, пахнущее табаком, нафталином, ветхим мехом, стариковской постелью. Мать заворочалась на кровати и забурчала, будто и не останавливалась никогда:

– Где это видано, чтобы девушки из порядочной семьи так поздно возвращались домой! А все этот еврей патлатый! Из-за него весь мир перевернулся с ног на голову! И ты тоже хорош! Ты отец или не отец?

Девушки зашли в маленькую комнату, захлопнули за собой дверь.

– Как мне все это надоело! – сказала Соня, окидывая брезгливым взглядом старенькую мебель, линялые коврики.

– Да, – подхватила Лиза, – надо тут что-нибудь изменить. Ну хоть шкаф этот допотопный выбросить. Или дверцу новую сделать, без дурацких стекляшек. А еще лучше знаешь что? Задвинуть его в угол и оклеить обоями. Как ты думаешь, Соня?

– Хочешь – переделывай, – лениво откликнулась Соня. – Я здесь жить не собираюсь. Как только встречу то, что мне нужно, так и ту-ту-у отсюда.

Сонина головка исчезла в воздушных дебрях стаскиваемого платья. Лиза задумчиво откусила булочку, отпила из чашки компот. Ей было грустно, что сестра в своих планах так легко бросает ее.

– А вдруг ты не найдешь такого, какой тебя достоин?

Соня глянула на сестру снисходительно, уронила хрипый смешок, встряхнула расколотыми волосами, и они медленно, как дым, повалились на спину и голые плечи.

"Найдется, конечно, найдется! – воскликнула мысленно Лизочка. – Увезет ее в Москву... Или даже за границу... Какой-нибудь военный или дипломат".

– Соня, – сказала Лизочка, – ведь ты не бросишь меня? Если ты уедешь, ты будешь сюда приезжать?

– Конечно! – удивилась Соня. – Буду приезжать, буду помогать родителям. И для тебя постараюсь сделать все, что смогу.

– Соня, – помявшись, начала Лизочка, – у меня к тебе просьба... Вот этот скрипач... Сегодня... Ты не могла бы с ним познакомиться?

– Зачем?

– Он мне нравится, – призналась Лизочка. – Ну просто очень!

2.

1937 год

Илья подошел к окну. Погода была тусклая, несолнечная, но снег почему-то сиял, и это сияние поднималось снизу, как туман, звучало одной непрерывной нотой, растворяло контуры деревьев, забора, старых бревенчатых изб. Такие рисуют в сборниках русских народных сказок. Эту идиллическую картину портили уродливые современные сооружения на краю поселка. Идя по дороге от станции, Илья принял их за тот самый пресловутый лагерь, которым командует Лизочкин таинственный супруг.

Почему всякая гадость – морг, кладбище, тюрьма – вызывает у человека такое любопытство? Илья почти испытал разочарование, когда узнал, что это всего лишь какие-то склады. Можно подумать, что он тащился в такую даль, чтобы поглазеть на лагерь. И это называется: "от города рукой подать"! Три часа мерз в поезде, чтобы передать посылку сестре своей бывшей жены. Да еще поволок за собой скрипку... Зачем? Играть для нее? Или для ее супруга?

Он опустил занавеску, обернулся к двери.

Лизочка вошла, тоже отуманенная – паром, валящим из огромного чайника.

– Что же ты не снял до сих пор пальто?!

Илья неловко пожегся, стал боком стаскивать тяжелое синее пальто на вате. Ему показалось, что из-под пальто сейчас повалит такой же пар, как из Лизочкиного чайника.

– Ну что же ты!

Лизочка уверенно потянула к себе пальто и легко уложила его на диване рядом с черным футляром скрипки. Ей показалось, что седенький каракулевый воротничок хранит запах ее

родного дома. Впрочем... Где же не пересыпают мех табаком или нафталином? Лизочку растрогал этот запах, хоть она и не скучала по дому. Да и не жил Илья давным-давно уже в этом доме.

Илья мучился от неловкости. Лизочка видела это, но не знала, как ему помочь.

Она скрипела дверцами буфета, доставала чашки, перекладывала варенье из банки в вазочку. Варенье показалось Илье странным. Видно, из каких-то северных ягод. Но для Лизочки и это варенье, и фанерный буфет, и лес недалеко за окном давно стали привычными, не останавливали взгляд. Все было тихо, сонно, и Лизочкин кокетливый халатик вступал в противоречие с этой туманной гармонией. Халатик. Стрижка. Напряженно стройная спина... Илья поморщился, хотя сходство с Соней было незначительное. Только вот эта напряженная стройность... смело выступающая грудь.

Илья зачем-то снял очки и стал протирать их платком. Лиза с улыбкой следила за его движениями, такими же робкими, как когда-то... И виски были такие же по-юношески нежные, и светло-русые курчавые волосы ничуть не поредели. Лизе очень хотелось их погладить.

– Что же ты не берешь варенье? – ласково спросила она.

– Да-да, я возьму. А из чего это?

– Черемуха.

– Черемуха? – удивился он. – Я думал, из нее только букеты...

Слово "букеты" опять возвращало их к прошлому.

– Какие ты приносил букеты! – мечтательно помотала Лизочка головкой, опирающейся на кулачки. – Я ужасно завидовала Соней!

– Правда? – смутился он. И что-то такое вспомнил: восхищенные черные глаза, моргающие из полумрака, из-за Сониной спины... Что-то тоненькое, длинненькое, вечно маячившее где-то рядом... Она мешала ему.

– Вот дурак! – искренне пожалел Илья. – Не додумался подарить букет ребенку!

– Какому ребенку?! – рассмеялась она. – Мне было восемнадцать, когда вы познакомились!

– Правда? Да, действительно...

– Если хочешь знать, это я тебя заметила первая. Ты сидел с краю во втором ряду. Ты был такой красивый. Такой... вдохновенный. Мне казалось, что я слышу звук твоей скрипки отдельно от всего оркестра. Я влюбилась в тебя с первого взгляда. – Лизочка все больше возбуждалась и хорошела. – Это я таскала Соню на ваши концерты. Ей вовсе не хотелось!

Илья сделал вид, что поперхнулся, слегка покашлял.

– Вот значит кому я обязан своим счастьем...

– Не передергивай! – шутливо возмутилась Лизочка. – Ты в первый же вечер засек ее! Сам говорил, что после концерта бросился ее искать!

Илья смутился. В первый день он вовсе не искал Соню, но, наверное, когда-то он так говорил. Впрочем, может, и искал, разве теперь вспомнишь. Столько было этих вечеров, этих поисков... Серое платье, мелькающее между деревьями, таинственно улыбающееся лицо за колонной... Драгоценная зелень Сониных глаз.

– Да, так и было, – понуро признался он. – Точно помню, что был влюблен, хотя теперь в это трудно поверить. Твоя сестра, Лиза, издали похожа на сказочную фею. Но когда пробьет двенадцать часов... Я все это очень быстро понял... Я не знал, как мне выпутаться, а весь оркестр мне завидовал. Помнишь, как она сидела в первом ряду – с таким видом, будто все пришли смотреть на нее?

– И все смотрели.

– Смотрели.

– Вот потому я и уехала, – рассмеялась Лизочка. – Как бы я ни понравилась мужчине, стоило ей появиться, и он тут же терял ко мне интерес. Я ведь и в Киеве могла поступить в медицинский.

– Значит, ты боялась, что при ней останешься старой девой?

– Да нет, – Лизочка помедлила, подумала. – Боялась, что возненавижу ее. Ты понимаешь, вы уже женаты были, а она все равно каждому старалась понравиться. Она просто больная становилась, если кто-то не обращал на нее внимание.

– Так вот почему ты прячешься от родни своего Андрея! Боишься, что Соня произведет впечатление?

– Нет, – медленно и победно помотала она головой. – Не произведет. Просто не хочу никого между нами. Верить, – у нее вытянулось лицо и глаза строго сузились, – я рада, что нас загнали в такую глушь! По мне, чем хуже – тем лучше. Мне тут даже работать негде. Я весь день знаешь что делаю? Жду его! И больше мне ничего на свете не нужно. Ни мне, ни ему. Я поэтому и детей не хотела. Это, – покосилась она на свой невысокий живот, – случайно вышло.

– Теперь вы, наконец, распишетесь?

– Зачем? Я же сказала: не хочу ничем его связывать. Ну и потом... Он на такой должности... а мои родители... все-таки у отца была собственная мастерская...

– Ты напрасно боишься, Лиза. Твой отец никогда никого не эксплуатировал. Он сам шил свои шапки. Таких не трогают. В финотдел платит исправно.

– Знаешь, – помялась она, – когда тут живешь... сталкиваешься с такими странными случаями... Но дело даже не в этом... Наш дом, мама, папа... Для него это все будет чужое... слишком еврейское.

Илья понимающе кивнул. Он помнил, какое пережил потрясение, когда обнаружил, что у этих двух фей такие дремучие местечковые родители.

– Ты только не подумай, Илюша, что он антисемит.

– А хоть бы и антисемит. Лишь бы ты была с ним счастлива. Ведь ты счастлива?

– Ты же сам видишь.

– Да. Показала бы хоть его фотографию.

– Да вон же! – ткнула пальцем Лизочка и смутилась.

Илья оглянулся. Он еще входя заметил висящий над трюмо портрет Сони в тяжелой лакированной раме. Знаменитый портрет в "венгерском костюме". Собственно, костюма никакого не было. Только тяжелая шаль, завязанная узлом на затылке и почти до бровей скрывающая лоб. Соня улыбалась через голое плечо. Нижнюю часть плеча прикрывала вставленная в угол рамы фотография мужчины в военной форме. Казалось, Соня спрашивает взглядом: "Ну, кто из нас лучше?"

Илья осторожно вытащил фотографию и поднес ее ближе к свету. Узколицый человек пристально и весело смотрел на Илью. Лучились светлые, длинные, от виска до виска, глаза. В какой-то ослепительной, разбойной улыбке скалились красивые юношеские зубы.

Илья подумал, что совсем не чувствует, не понимает этого человека. Но вслух сказал:

– Да. Тебе повезло.

Он попробовал всунуть фотографию на место, но Сонин портрет опасно раскачался, и Илья положил фотографию на трюмо.

– А тебе?

Он уклончиво кивнул.

– Она красивая? У тебя ее фотография есть?

– О нет! Самая обыкновенная, слава Богу! Я красотой сыт по горло. До тошноты! – Илья кивнул в сторону портрета. – Надо же додуматься подарить эту громадину! Твоя сестра обожает портреты. Такой же висел у нас.

– А напротив – твой со скрипкой. Наверное, теперь в твою раму вставили моего нового зятя со всеми его знаками отличия.

– Не угадала! – по-мальчишески свободно расхохотался Илья. – Вместо меня теперь висит Ворошилов!

Он быстро скользнул глазами по комнате: испугался, что допустил бестактность. По близорукости не заметил какого-нибудь изображения Дзержинского. Вдохнул с облегчением.

– Ты часто бываешь у них? – спросила Лиза. – Они не запрещают тебе видаться с ребенком?

– Нет, не запрещают. – Илья посмотрел на часы. – Но знаешь... Это не мой ребенок. Почему-то Мишка даже лицом похож на него.

– Ну что ж... – вздохнула Лизочка. – Они живут в одном доме...

– Да, и вообще он привлекательнее для мальчишки. Герой!

– Как тебе кажется, он подходит Соне?

– Он? – удивился Илья. – Понятия не имею! Я с ним почти не знаком. Честно говоря, мне теперь кажется, что я и сестру твою толком не знал.

Илья потянулся за пальто.

– Ты никак не можешь задержаться? – спросила Лизочка. – Мне так хочется познакомиться тебя с Андреем. Может, переночуешь у нас? А завтра рано утром будет поезд.

– Нет-нет, – заторопился Илья. – Завтра утром у нас репетиция.

– Наверное, ты единственный из родных, кого я хотела бы с ним познакомиться.

– Да, жаль, – откликнулся он, не трудясь выразить голосом эту жалость. – Но и так хорошо, все-таки повидались. Скажу тебе откровенно: если бы я знал, что к тебе так трудно добираться, я не взял бы посылку. Но сейчас я рад.

– А я как рада! – подхватила Лизочка. – Как ты думаешь: удобно передать родителям деньги? Я тут собрала все, что было в доме, по всем карманам... – Лиза неуверенно протянула ему увесистую пачку. Илья подумал, что по карманам у них валялось довольно много. – У меня нет ничего такого... Ты же видишь, какая у нас глушь. Нам и тратить не на что.

– Нет-нет. Деньги – ни в коем случае. Они обидятся. Выйдет так, будто ты платишь им за их подарки. Хватит этого.

Он сунул под мышку легкий сверток. Смущенная Лизочка бросила деньги на трюмо рядом с фотографией мужа, достала из вороха бумаги коричневую каракулевую шапочку, так и эдак повернула к свету и, вздохнув, надела.

– Папу не надо расстраивать. Скажи ему, что она точно такого цвета, что и полушубок.

– Да он уверен, что сшил эту шапку из остатков твоего же полушубка!

– Но ты же видишь: у полушубка оттенок золотистый, а у шапочки – шоколадный. А, да все равно! Мне эту шапку надевать некуда, да и полушубок... Последний раз надевала его год назад. Вот! – она вытащила из кармана два пакетика с нафталином. – А знаешь что? Давай-ка я сейчас наряжусь и пойду тебя провожать.

– Не надо, Лиза, зачем? Я запомнил дорогу.

– Нет-нет! Не бойся, я тебя не задержу. У меня есть такая тропинка между сараями, по ней до станции в два раза быстрее.

Пухлый снег между настроенными взброс сараями не был утопан. Илья покорно погружал ноги в глубокие узкие воронки, оставленные Лизочкиными сапогами. Он снова начинал сердиться на себя. Забраться в такую глушь, зачем? Да еще в ботинках. Снег набивался под брюки, и Илья с отвращением предвкушал, как он начнет таять в тамбуре плохо протопленного вагона.

– Видишь, Илюша, – тараторила, не оглядываясь, Лизочка, – этой дорогой гораздо быстрее. Если Андрюша не на машине, он всегда так идет. А я у окошка жду. Или выхожу ему навстречу.

"Зачем мне это все? – мрачно думал Илья, уходя ногами глубоко в снег и с трудом их вытаскивая. – Кто мне теперь Лиза? Что мне до подробностей ее жизни? Неужели она думает, что хоть одному мужчине приятно, когда женщина рассказывает ему о своей любви к другому? Или это месть за то, что когда-то я предпочел ей дуру-сестру?.."

– ...я не знаю даже, когда сильнее: когда он рядом, или когда я жду его, а...

Длинный состав поравнялся с ними, грохотом и затхлым ветром разметал Лизочкины слова. Пронесся мимо, оставив их в странной снежной тишине.

– Это не наш?

– Нет.

Лизочка мельком глянула вслед эшелону с брезгливым страхом.

– Везут и везут...

Илья сощурился, провожая взглядом черный хвост, быстро уходящий в снежное сияние пустого горизонта.

– У вас большой лагерь?

– Большой, – вздохнула она с досадой. – А теперь еще достраивают...

- Это ужасно!
- Да, – кивнула Лизочка, – случается, я не вижу его по три дня.

– Ну всё, прыгай!

Лизочка услышала, как ухнула вниз сумка, скользнула с подоконника. Ноги воткнулись глубоко в невидимый снег, но до земли не достали. И тут же над ее головой ухнули оконные рамы, щелкнули шпингалеты.

Толчок был такой сильный, что Лизочке показалось, будто ребенок вырвался откуда-то и стоит уже на выходе. Ей захотелось сесть в снег, чтобы удержать его. Вместо этого она выпрямилась, откинулась назад, высвобождая из снега увязшую ногу и подтягивая за ремень тяжелую сумку. Сумка не проваливалась в снег и помогала удерживать равновесие.

Лиза не оглядывалась. Она знала, что Андрей не смотрит ей вслед. Сейчас он одевается... пошел открывать дверь. Огибая угол сарая, она заметила, что в комнате уже зажегся тусклый свет. За сараями было пусто: ни шороха, ни звука. Сделав еще несколько шагов, она увидела едва заметную цепочку темных пятен. Это были ее собственные следы, протоптанные утром щегольскими холодными ботиками и удобно развороченные широкими ботинками Ильи. Илья... За день она успела совершенно забыть о нем. А теперь думала о его кратком появлении, как о чуде. То есть это были не мысли, а что-то такое... сопровождающее ее глубокое, неровное дыхание, беззвучные слова, которые она выталкивала на крепкий, как стена, шершавый мороз. Может, из-за того, что идти стало намного легче, ее захватило бредовое воспаление, сопутствующее удаче. Лиза даже улыбалась открытым ртом, покривленным от мороза и быстрой ходьбы. Она двигалась в возбужденном ритме, освобождая часть ее существа от усилий, и этой части ее существа казалось, что она догоняет чуть ушедшего вперед Илью. Что Илья для того и явился, чтобы протоптать до самой станции просторные удобные ямки. Чтобы она достала шубу, год провалявшуюся на дне сундука, чтобы оставила шубу сушиться на стуле вместе с платком, шапкой и нарядным костюмом, чтобы она утром спокойно собрала деньги по всем ящикам и карманам, а потом бросила их на трюмо. И что ему стоило, Илье, сунуть, не раздумывая, эти деньги в бумажник? И почему он снял со стены фотографию? Почему потом не вставил ее на место, а положил рядом с деньгами? Ее любимую фотографию! Разве могло все это произойти случайно? И, приближаясь к станции, она с несуразной надеждой вглядывалась в темные фигурки, зябнувшие под фонарями: нет ли у кого в руках черного футляра скрипки.

"Что это я?" – строго сказала себе Лиза и становилась. Опустила сумку на дорогу. Проверила, не выбилась ли из-под юбки ночная рубашка. Поправила шапку и платок, заставила себя справиться с дыханием. Дышать носом было больно. Она пошла к станции напрямик, спокойной и уравновешенной походкой, не стараясь казаться меньше и незаметнее. В зале ожидания никого не было. Она подошла к окошку кассы, поставила локоть на кормушку и назвала город, о котором ничего не знала, кроме того, что он находится где-то на Урале. Единственный, который запомнила из трех названных Андреем. Умышленно долго искала в сумке деньги, пыталась понять, что он успел бросить туда в темноте, впопыхах. Не потому, что боялась какой-нибудь там проверки дорожной милиции. Просто хотела знать, с чем начинает новую жизнь. Расплатилась. Вышла на перрон. Вдали уже желтели огни поезда, росли, надвигались. Замелькали темные и тускло освещенные купе. Кто-то смотрел в окно, прижав к стеклу козырек ладони. Кто-то снимал с полки сонного ребенка, кто-то не то скатывал, не то стелил постель... Лиза бросилась догонять свой вагон, уплывший недалеко вперед. Проводница протянула ей руку, помогла затащить в тамбур сумку. Поезд, не успевший толком остановиться, снова раскачался, набирая скорость. Лиза нашла свое купе, поставила сумку, прижалась лбом к ледяному стеклу. В темноте ничего нельзя было разобрать. Рассеянные огоньки выбрасывались откуда-то, исчезали... Она пыталась проникнуть взглядом в странные нагромождения, среди которых был и ее только что оставленный дом. Но тут поезд въехал на мост, и Лиза поняла, что последний привет ее достался ремонтным мастерским, а дом ее в первое же мгновение скользнул назад в черном вихре темноты, уносящейся в прошлое.

Она не заплакала.

Заглянула в купе проводница, положила мешочек с постелью.

– Вам помочь?

– Спасибо, я сама, – поблагодарила Лиза.

Она заперла дверь. В купе было тепло, и снег, налипший на сапоги, быстро таял. Лиза развернула матрац, сорвала пломбу с мешочка. Туго натянула крахмальную простыню, придирчиво расправила складки. Отыскала в сумке шерстяные носки, которые заметила еще на станции. Ей хотелось сейчас же лечь, но она решила сначала перебрать вещи, воспользоваться тем, что она одна. Теперь это был ее дом на целых три дня. Лиза поудобнее переставила на столе лампочку под апельсиновым абажуром, достала фотографию и приставила ее к пустому стакану. Затем стала раскладывать вещи на полке. Платье, еще одно, кофта, чулки... С легкой досадой расправила на коленях сиреневую блузку в коричневых горохах, которую давно перестала носить. И вдруг потеплела к ней: раз он сам, своими руками сунул эту блузку среди других вещей – значит, и она зачем-то нужна.

Лиза снова уложила вещи и поставила сумку в ящик. Сверху накрыла казенным мешочком, а на мешочек уложила свернутую вчетверо шубу. Платком она повязала плечи и наконец легла. Вытянувшись под одеялом, подвернула влажный подол ночной рубашки, прислушалась. Ребенок пошевелился внутри... как-то осмысленно, будто подал знак, что с ним все в порядке. Лиза закрыла глаза и сквозь надвигающуюся дрему вдруг вспомнила, что за сегодняшнюю ночь она ложится второй раз, что она уже стелила постель, устало вытягивалась, что...

Но сознание отказывалось объединить все произошедшее в один день. Поезд баюкал и слегка небрежно раскачивал Лизу, она прижималась щекой к нагретой подушке, привыкая к новому запаху, и ей казалось, что это были три разные жизни. Когда-то, давным-давно приезжал на гастроли Илья... а потом, но тоже давным-давно, застучали ночью в дверь, и Андрей замер, но только на секунду. "Конец! Это за мной!" – шепнул он азартно, как игрок, загнавший шар в лузу. Тут же рванулся, задвигался по комнате четко, будто сто раз репетировал все это на учебной тревоге... и она невольно поддалась этому ритму, подчинилась каждому его беззвучному приказу и сама не проронила ни слова, пока он не прижал ее больно в последний раз и жестко проговорил в висок: "Прощай, Лиза! Не обманывай себя. Я – покойник. Не живи прошлым! Сохрани сына! Я хочу, чтобы он был счастливый!" – "Да" – сказала она. – "А теперь – всё! Скорее! Прыгай!"

3.

1943 год

Верочка, всеми позабытая, терпеливо топталась в углу кухни. Незнакомые или просто неузнаваемые в темноте взрослые люди проходили мимо... Высокий лысый старик... Старуха в золотых очках с растрепанной седой косой на спине... Несколько раз она уходила к себе и возвращалась с какими-то пузырьками... Один раз старуха забыла закрыть за собой дверь, и Верочке стала видна чужая комната с повисшим в полумраке оранжевым абажуром, чужая кровать, свисающие с нее мамины ноги. Склонившаяся над кроватью женщина тихо повторяла: "Ну Лиза, Лиза! Возьми себя в руки! Успокойся! Нельзя же так!" И еще чей-то голос: "Подумайте, Лиза, о ребенке!"

Услышав эти слова, Верочка нерешительно приблизилась к двери. Как раз в это время Лиза присела на кровати, чтобы проглотить какое-то лекарство, протянутое ей в рюмке. Но, увидев Верочкино личико – тугие овальные щеки, обрамленные двумя кисточками ровных волос, длинные недетские глазки, сплошная голубизна от виска до виска, тонкий, будто застывший в ожидании, носик – она отшатнулась, снова упала на спину и зарыдала еще громче. На Верочку замахали руками, она отступила обратно в кухню и плотно закрыла за собой дверь. Постояла, подумала, сняла пальтишко, шапку, размотала вспотевшую косынку, аккуратно сложила все это на табуретке.

Маленькая девочка с черными кудряшками, с тоненькими сросшимися бровями испуганно и уважительно следила за ее действиями. Они уже виделись как-то, на утреннике в госпитале. Верочка улыбнулась ей поощрительно, и девочка, осмелев, спросила:

– Тебя зовут Вера?

Верочка кивнула.

– А меня – Оля. У вас что случилось – похоронка пришла?

– Нет, – помотала головой Верочка. – Это тетя Соня порвала папину фотографию. И бросила в печку. Понимаешь, папу убили, а у нас другой фотографии нет.

– А почему тебя выгнали?

– Чтобы мама на меня не смотрела, – рассудительно объяснила Верочка. – Я ей папу напоминаю. Я очень на папу похожа.

– Я тоже похожа на папу, – похвастала Оленька.

Верочка недоверчиво оглядела кукольное личико и толстые ножки с розовыми полосками голый кожи между чулками и коротким платьем.

– Думаешь, я вру? Думаешь, ты одна на папу похожа? Я тебе карточку покажу. Мы с ним возле Кремля сфотографировались. Одно лицо! – загорячилась Оленька.

– Я знаешь почему похожа? – решила выдать секрет Верочка. – Когда мама меня рожала, она все время смотрела на папину фотокарточку. Понимаешь? – Верочка взялась левой рукой за кисть правой и внушительно потрясла ею перед Оленькиным лицом. – А теперь тетя Соня эту фотокарточку сожгла.

– Твоего папу тоже немцы убили?

– Да, – вздохнула Верочка. – Еще когда была финская война. А твоего на этой войне убили?

– На этой, – неуверенно ответила девочка, не зная, какой вариант предпочтительнее. – У меня еще дядю Леву убили.

Лампа ярко мигнула и медленно погасла. На другом конце кухни скалил голубые зубы примус, что-то угрожающе ворчало в кастрюле. Девочки замерли на месте. Постояли и решили постучать в ближайшую дверь. Они стучали осторожно, согнутыми пальчиками. Никто не откликнулся. В комнате громко играло радио. Слышно было, как там разговаривают и плюются семечками. Цок-тьфу... цок-тьфу... "Сколько горя, сколько горя вокруг!" – "Вижу, бежит сюда в расстегнутом пальто и кричит в голос..."

– Девочки! Где же вы? Ой, бедненькие! Сидят в темноте, тихо, как мышки, и все про них забыли!

Верочка вошла. Посмотрела вопросительно на мать.

Лиза уже сидела на кровати, спустив на пол ноги в чужих балетках. Она чуть виновато поманила к себе дочь и долго целовала ее гладко расчесанные волосики, тоненький пробор.

На столе горела керосинка, стояли два стакана с недопитым чаем.

– Ничего, ничего, – суетилась Оленькина мама, маленькая и грудастая, как курочка. Движения у нее были ловкие и сердитые. – Сейчас поужинаем, чаю попьем. Вот у меня свекла сушеная. Такая удачная получилась!

– Спасибо, Клара, я не буду. Мне не наливай, – усталым, незнакомым голосом попросила Лиза. – Веру только покорми.

– И слушать не хочу! – строго прикрикнула Клара. – Ты обязательно должна хоть что-то проглотить.

Клара потянула Лизу за руку и осторожно, как больную, подвела к столу.

Девочки лежали на оттоманке, валетом, подпертые двумя стульями. Им было тесно и смешно, и они каждый раз нарочно вздрагивали и хихикали, не давали друг другу уснуть. Взрослые говорили тихо, но иногда до Верочки долетали их непонятные слова.

"И зачем ты их сюда перетащила! Их же в Казахстан эвакуировали – пусть бы там и оставались!" – "Они бы там пропали, Клара! Ты же видишь, родители совсем дряхлые" – "Вот и забрала бы стариков. А эта стерва... Пусть бы поняла, чего она стоит одна!" – "А дети, Клара,

дети-то чем виноваты? Они же без меня коростой зарастут. Умрут от голода. Ты же видишь, какая она" – "Вот именно, я-то вижу. А ты хороша! Как можно было ей доверяться! И что тебе стукнуло в голову?! А вдруг и в самом деле пойдет и заявит?" – "Да брось, Клара! Ведь она все-таки моя сестра! Знаешь, какая она была когда-то! Но вообще-то... Она меня и в молодости предавала. А теперь последнее забрала. А, все равно! Моя жизнь кончена" – "Что значит – кончена! Ты молодая, интересная. Наша заведующая все тебя хвалит. Говорит – ты лучшая операционная сестра. Хочешь, секрет открою... Они мечтают познакомить тебя со своим сыном..." – "Да о чем ты, Клара! Брось! У меня душа сгорела. Мне только ребенка жалко. Знаешь, Клара, если вдруг меня заберут, оставь Верку у себя".

Утреннее солнце било прямо в окошки, и вся комната – деревянный пол, беленые стены – была испятнана светлыми квадратами.

Соня загребла в охапку горку непроглаженных детских вещей, завалившихся на стуле, постояла с ними, постепенно раздражаясь, и, наконец, свалила в угол кровати.

Она придвинула стул к двери, поставила на него таз и залила воду. Сбросила с себя рубашку, с силой заполоскала в воде рукой, как бы взбивая на ней пену, и начала с лица. Крючок на двери был сломан, и ей приходилось прислушиваться к тишине коридора. Сонина тень на облупившейся двери тоже мылась, бережно придерживая клубы волос на затылке, намыливала шею, деловито ныряла ладонями под мышки, ненадолго застывала, выставляя свой безукоризненный профиль...

Печку с утра хорошо протопили, и солнце пригревало через окно, но Соня поспешила одеться. Отглаженное платье висело на ширме. Черное, с белым вышитым воротничком. Она осторожно натянула платье, строго его одернула, перевязала мягкую талию витым пояском. Воротничок вызывал сомнения. Было видно, что он сто раз стиранный. Соня долго изучала себя в зеркале, укрепленном на подоконнике с помощью цветочного горшка и молотка, и решила, что воротничок все-таки освежает платье. Расчесала волосы на прямой пробор, свернула их по бокам в толстые валики и сзади скрутила в узел, такой тугой, что от шпилек заболел затылок. Потом посмотрела на свое отражение широко распахнутыми, смелыми глазами. Ноздри ее взволнованно затрепетали.

– Товарищи! – сказала она звонким голосом, и ей самой показалось, что это заработало радио. – Товарищи...

Соня опустила голову и заплакала. Ну почему, почему она должна мучиться, почему должна бояться?! Она не может хитрить и увиливать. Она должна думать о детях.

Дети возились на солнышке недалеко от дома, строили что-то из снега. Господи! Как она могла, Лиза, столько лет скрывать правду! Как она посмела подвергнуть такой опасности всю семью! И кто просил ее зазывать их сюда! Прекрасно прожили бы и без нее. В Казахстане и теплее, и с продуктами, наверное, лучше. Нет, Соня хочет честно смотреть людям в глаза. Она не может покрывать врагов – тем более сейчас, когда идет война, когда муж ее проливает на фронте кровь.

Соня красиво вычесала и уложила двумя шнурками свои высокие густые брови. Наковыряла мизинцем остатки помады из тюбика и с расточительной щедростью провела две малиновые дужки и снизу третью.

– Товарищи! – снова обратилась она к своему отражению. – Вчера мне стало известно... мне совершенно случайно стало известно... – она поднялась и, решительно сдвинув занавеску, сняла с вешалки каракулевый полушубок сестры. Он был чуть великоват на Соню, но выглядел внушительнее, строже, чем Сонино собственное пальто. Она надела и Лизину шапочку. Только шарф повязала свой. Лизину шаль бросила на спинку кровати с таким выражением, будто узнала, что это вещь заразного больного.

В сенях она столкнулась с родителями, и те испуганно шарахнулись в сторону. Видно, сразу догадались, куда она идет, но не стали на нее вешаться, удерживать. Соня хлопнула дверь и зашагала по узкой дорожке к калитке.

– Я – жена офицера! – твердо произнесла она.

У Сони налились глаза, что-то кольнуло в носу, будто лопнул сосудик. Из дому казалось, что на улице намного теплее. Солнце ярко освещало неулежавшийся снег, каждая снежинка блестела. В такое чистое утро представлялось совершенно невозможным жить дальше во лжи, душившей ее все эти четыре дня. Ей надо было пойти в тот же вечер, сразу, как входят в холодную воду...

Позади закрипели чьи-то шаги. Соня сразу догадалась, кто это.

– Подожди, красавица, не торопись!

Соня не обернулась. Коротышка Клара, новая Лизина подруга, задыхалась, пытаясь ее догнать. Мороз сушил и перехватывал ей горло.

– Ты куда это собралась? – кричала она Соне в спину. – Можешь не говорить, я сама знаю. Я тебя насквозь вижу!

Клара чувствовала, что скоро отстанет, и поэтому начала без обиняков:

– Иди-иди, паразитка! До весны сдохнешь с голоду со своими детьми! Ты же не пойдешь на завод таскать ящики или нянкой в госпиталь, правда? Да тебя и выгонят на второй день!

– У меня аттестат! И пенсия на Мишеньку! – не выдержала Соня.

– Аттеста-ат! Пе-енсия! – передразнила Клара. – Может, тебе и хватит, чтобы карточки выкупить!

Соня ускорила шаг.

– Ты учти, – торопливо продолжала Клара, – морковочки в суп тебе не дам! Ни одной картошки! Все лежит в моем сарае! И дрова! Это мы с Лизой заготовили! А ты тут ни при чем! Ты и пальцем не шевельнула!

– Вам никто не давал разрешения сажать в лесу свою картошку!

– Ну походи, походи, заяви на нас! Только не забудь рассказать, что ты второй год жрешь эту картошку! А дрова? На дрова-то было разрешение! Что же ты не пошла с нами тогда? Ты – женщина... Ты не привыкла! А мы с Лизой, наверное, всю жизнь валили деревья? Мы всю жизнь таскали сани с дровами? Между прочим, твой муж войну начинал капитаном, а мой – подполковником. И ничего, впряглась вместо лошади! А ты нас у окошка ждала, пальчиком стучала! Учти: я ни детей, ни стариков не пожалею! Если с Лизой что случится, Верку к себе возьму, а вы – пропадите! Шубу эту заберу и продам, чтоб содержать ребенка. Все знают, что это Лизина шуба!

Клара остановилась. Режущая боль в печени стала такой сильной, что нельзя было уже и выпрямиться, не то что сдвинуться с места.

Но и Соня вдруг остановилась, вернулась на несколько шагов к отставшей Кларе и закричала сдавленным истеричным голосом:

– Чего ты хочешь от меня?! Чтобы я покрывала жену врага народа?!

Она заплакала, злобно и растерянно, не скрывая лица. Клара смотрела на это лицо, которым привыкла восхищаться, и со злорадством отмечала проявившиеся в нем недостатки: слишком широкие скулы, слишком впалые щеки... Да и в искаженных губах появилось что-то противное, чего она не замечала раньше. Ей даже стало жаль Соню.

– Соня! – сказала Клара новым проникновенным голосом. – Послушай меня... Лизы тут нет, мы можем называть вещи своими именами... Ведь она ему никакая не жена. Расписаны они не были. Мало ли с кем там он спал! Никому до этого нет дела. Иначе ее бы давно уже нашли. Ты подумай: сколько лет прошло! А теперь ты хочешь все разворошить. В какое положение ты ставишь себя, родителей, Федю? Кто тебе поверит, что ты только сейчас все узнала? Смешно!

Клара почувствовала, что сказала именно то, что нужно. Она повернулась и пошла в сторону базара. У скобяного рундучка остановилась, повертела в руках какую-то задвижку. Уголком глаза она видела, как Соня стоит среди дороги и наматывает на палец кончик вязаного шарфа.

4.

1947 год

Где-то среди молодых вишневых листьев назойливо тенькала птица, будто точила что-то. Соня распахнула настежь окно, стала протирать подоконник. Пересохшие остатки краски шелушились и приставали к мокрой тряпке. Уже два года как вернулись домой, а все никак не сделают ремонт.

Пахло хорошо. Свежестью, начинающимся летом. Во дворе было пусто. Издалека доносился нежный звон трамваев. Казалось, не было никогда никакой войны, и не уезжали никуда из этого дома. Соня сунула руку в легкий дымок, поднимающийся из миски с картошкой. Побросала одну картофелину с ладони на ладонь, длинным ногтем поддела шкуру.

Высокий хмурый дом слева накрывал двор огромной сиреновой тенью. Только в дальнем конце лучился и сиял косо отрезанный угол, в который попадала половина двухэтажного флигеля. Оттуда и весь двор наливался отраженным, как бы тайным сиянием радости и праздника. В начале лета каждое утро – праздник. Тем более, когда в доме гости. Соня обмерила ласковым взглядом Лизин чемодан, пирамидку дорогих консервов на углу стола... Заглянула в комнату. Лизочка все еще спала с Верочкой в обнимку.

Напрасно Соня послушалась ее. Надо было постелить им по-человечески. Соня прошла на цыпочках в комнату, умиляясь на собственную нежность, накинула фланелевое одеяльце на зябко подтянутые плечики племянницы, на литые коленки сестры. Непонятно было, из чего сделаны Лизочкины чулки. Дорогие, наверное. Там, где дело касается тряпок – Лиза всегда первая. Всегда устроится так, что все ей завидуют. Тот дарил каракулевы шубы, этот – хирург, идет в гору...

Соня стала разбирать консервные банки. Она остановилась на шпротах. Сперва хотела их припрятать и съесть после отъезда Лизы. Для Лизы коробка шпрот – не событие: старик – профессор, начальник облздрави, старуха – доцент, гинеколог. Гинекологи сейчас в золоте купаются. Попасть в такую семью! И ведь кто-кто, а Соня отлично знает, что сестра не приложила к этому никаких усилий. Все устроила старуха. Соня вдруг подумала, что если бы не та ссора, Лиза не перешла бы жить к Кларе, не сблизилась бы с матерью Сергея, и ничего бы не было. С легким злорадством она вспомнила страшное от рыданий лицо сестры, низкий рвущийся голос: "Что же ты со мной сделала! У меня же после Андрюши никогда никого больше не будет!"

Соня взяла консервный нож, задумчиво подвигала коробки и решила открыть все-таки шпроты. Это были ее любимые консервы, и последний раз она ела их еще до войны. Соня поддела за хвостик черно-золотистую брюхатую рыбку. Потом еще одну...

Она испытывала некоторое недовольство общим устройством жизни, но не завидовала сестре. Даже напротив – ждала, чтобы Лиза скорей проснулась и рассказала ей что-нибудь необыкновенное, чем можно было бы похвастать перед соседями. Она снова заглянула в комнату. Лиза уже не спала. Лежала, вытянувшись во весь рост, на спине, локтем защищая от солнца спокойное лицо. Мать сидела рядом с нею на диване, отец – спиной к Соне, за столом.

– Ты знаешь, что случилось? – повернулся отец на скрип двери. – Он, оказывается, умер!

– Василь Василич?! – всплеснула руками Соня.

– Нет! – досадливо мотнул головой отец. – Этот, молодой, Сережа...

– Как – Сережа?! – искренне испугалась Соня. – Ты же писала, что он демобилизовался!

– Демобилизовался, – ответила с неохотой Лиза. – Демобилизовался, потому что заболел...

У него оказалось белокровие...

– Как же это?! – заметалась Соня. – Пройти всю войну!.. – Ей хотелось броситься к Лизе и обнять ее, но Лиза очень для этого неудобно лежала, и Соня схватилась за голову, вцепилась в разом вздыбившиеся волосы. – Господи! За что?! За что нам такое?! Почему у всех людей – жизнь как жизнь, а у нас одно несчастье за другим!

Соня бросилась на родительскую кровать, забилась, закаталась в истерике.

– Соня! Соня! – запричитала над нею мать. – Разве тебе можно?! Ты же в положении!

Дети за стеной затихли. Отец испуганно обмахивал Соню полотенцем. Лиза спустила на пол ноги, нашарила свои кофейные босоножки. Подошла к окну. Двое прохожих под окнами стояли, с любопытством задрав головы. Проносились туда-сюда редкие машины, враскачку дергаясь по булыжнику.

Соня хрипела что-то, теперь уже про Илюшу... Лиза машинально посмотрела на то место, где когда-то висел портрет Ильи со скрипкой. Там торчал лишь одинокий гвоздь. Видно, Ворошилова выставили те, кто занимал квартиру во время войны. А, может, Илья тогда шутил? Сонин портрет в "венгерском костюме" висел там же, где всегда. Зачем-то Лиза стала высчитывать, в каком году он был сделан.

Кто-то подошел к ней сзади, маленькие ручки пояском сомкнулись на Лизиной талии.

– Это ты, Боська?

Она развернулась, потрепала мальчишку за уши, запустила растопыренные пальцы в густые светло-русые кудряшки. Серые глазки с бессмысленным обожанием уставились в лицо Лизы.

– Тетя Лиза! У вас новый муж умер, да?

– Да, – кивнула Лиза и подумала, что в Борькином простодушии все заметнее проступает патология.

– Но ведь это не Верин папа умер, правда? Вериного папу на войне убили. У нас с Мишей первого папу тоже убили, – удовлетворенно добавил он, ожидая похвалы.

Лиза поцеловала его в нежный височек и в который раз удивилась: почему этот ребенок так похож на покойного Илью? И еще она подумала, что так сильно любит Бореньку именно за это сходство, хотя самого Илью уже почти забыла. Она перевела взгляд на Мишу, который маялся в дверях маленькой комнаты, не зная, как себя вести. Подошла к нему, чмокнула в щеку, обросшую юношеской щетиной.

Кутерьма в комнате как-то неестественно резко улеглась. Соня просохла так же быстро, как разошлась, и уже тараторила – правда, без праздничного возбуждения. Накрывала на стол. Кроме миски винегрета и баночки Лизиных шпрот подавать было, в общем-то, нечего. Лиза села на "свой" стул.

– Шпроты будешь? – энергично поинтересовалась Соня.

– Нет.

Соня не стала уговаривать.

– А я – буду!

– И я! – затараторили Боря с Верочкой. Миша солидно промолчал.

Соня стала раскладывать шпроты по тарелкам.

– Отложи для Федя, – напомнила мать. – А мне дай самую маленькую.

Себе Соня положила сразу несколько рыбок. Дети смотрели в ее тарелку с печальным недоумением.

– Это вашему братику будет, – попыталась смягчить неприятную ситуацию Лиза. – Ведь у вас скоро братик родится или сестричка.

– Зачем ты говоришь такое детям? – смущенно запротестовала Соня.

Лиза почувствовала, что завидует сестре. Носить... Кормить ребенка... Ничего этого у нее уже не будет. Ее жизнь кончена.

Под домом резко затормозила машина.

Соня, пришаркивая, поспешила к окну, потом – к дверям. По дороге всех осчастливила:

– Федор!

Федор вошел в комнату, суровый, с поджатыми в официальной скорби губами. Отдал Соне новенькую офицерскую фуражку, энергично пригладил зачесанные назад волосы.

– Крепись, Лиза! Соня мне только что сказала... Да... Пройти всю войну и умереть от какой-то болезни! Обидно!

Он ненадолго прижал Лизу к своим ремням и колодкам, похлопал ее по плечу. От него пахло необношенной кожей. Начальник.

– Да... – сказал он, принимаясь за винегрет и не выказывая никакого удивления по поводу шпрот. – Не повезло. Вы хоть успели расписаться?

– Нет.

– Как же так? – огорчился он. – Теперь ты не имеешь права на жилплощадь. А так могла бы подать в суд.

– Его родители просили меня остаться у них. Это я не захотела...

– Как – "не захотела"?!

– Это долго объяснять. Им было бы тяжело потом... И мне...

– А если у нее подвернется возможность устроить свою жизнь? – робко вступилась за Лизу мать.

Федор жестом выразил недоверие.

– Сейчас, если попадается свободный мужчина, он ищет женщину с квартирой, с обстановкой. И попробуй еще найди такого, кто пойдет на чужого ребенка!

Верочка, и без того придавленная густым голосом дяди, испуганно заморгала.

– Федя, – сказала Лиза как можно спокойнее, – я не собираюсь у вас жить. Мне нужно только прописаться...

Клара с Лизой, сидя на диванчике, умиленно посматривали, как девочки, приложив ухо к уху, примеряют, у кого косы длиннее.

– Ма-ам! – позвала Оленька. – Можно взять табуретки? Мы хотим смотреть в окно.

– Возьмите, – разрешила Клара. – Только осторожно: синяя шатается.

Девочки подтащили табуретки к окну, взобрались на них, положили на подоконник локотки.

– Ну посмотри, Лиза, посмотри! Разве ради этого не стоит жить?

– Конечно, стоит. Я и не хочу ничего другого. Просто устала, Клара. Ты понимаешь... он умирал почти три месяца, и я от него не отходила. Господи! Как это было ужасно!

Клара вдохнула, чтобы задать какой-то вопрос, но передумала. Помолчала, вспомнила Шубинск, начало весны, осевший снег во дворе, Соню в наброшенном на плечи пальто, ее распущенные волосы, длинный шест, шатающийся в ее голых руках... и Сергея... его насмешливо-ласкающий взгляд... то особенное движение, которым он забрал у Сони шест и стал осторожно сбивать длинные, осклизлые сосульки... и недовольное лицо его матери в окне... и Сонин птичий крик... Клара все-таки не выдержала и спросила:

– Ты любила его, Лиза?

– Не знаю... – ответила Лиза очень просто. – Когда мы познакомились... как-то все происходило помимо моей воли... само собой. Мы почти не говорили... Потом прогулялись вечером. Он ждал меня возле госпиталя. Я как раз задержалась после дежурства. Вдруг он стучится ночью... За два дня до отъезда... Ты понимаешь, человек возвращается на фронт... Я так и чувствовала, что он не будет жить... А тут еще его родители стали относиться ко мне как к невестке.

– Я помню.

– Да нет. В Шубинске – это еще не то. Это в Харькове уже началось. Они нас к себе забрали. К Верке так хорошо относились... А когда его привезли... Он раньше выглядел таким мужественным, уверенным. А он был ребенком, Клара! Милый, умирающий ребенок...

Лиза наконец заплакала. Тихо, беззвучно. Не так, как когда-то в Шубинске из-за порванной фотографии.

Дети оглянулись.

– Знаете что! Идите-ка вы погуляйте! – скомандовала Клара, и девочки ушли, очень довольные.

С крутого спуска съезжали трамваи и сворачивали как раз у Кларинаго дома. И Лизе каждый раз казалось, что трамвай с разбегу врежется в низкое окно подвала. И каждый раз, когда трамвай проезжал, Лиза испытывала облегчение, будто он только чудом успел свернуть.

– Между вами... что-то было? – не справилась с любопытством Клара.

– Чего только не было... – невразумительно отозвалась Лиза. – Это невозможно рассказать... и вообще – нельзя... Я так хотела хоть что-нибудь... хоть как-то его удержать... Вот сейчас я тебе точно скажу: я его очень любила... но, когда он умер, я уже через день стала

думать об Андрюше... Как же я могла со всем этим остаться у его родителей? Тем более что у меня есть и мать, и отец, и сестра... Я не ожидала, что они так поступят с нами.

– Ты на меня не обижайся, но я твою родню никогда не уважала. Когда ты с ними помирилась... после этой истории с фотографией... Я готова была тебя разорвать!

– Да куда ж мне было деваться? Как раз Федя приехал в отпуск после госпиталя. Я прихожу к ним, а в доме есть нечего. Соня моя разоделась, нарядилась, как невеста, расселась на стуле, а его дрова колотить послала. Я побежала за дом, а он там стоит, курит, злой, как черт. Хотел уехать в тот же день. Я его еле удержала.

– И напрасно! Пусть бы бросил ее. Я бы посмотрела, что она сейчас бы делала. Сама бы тебя звала! Не знаю... По-моему, лучше бы тебе в Харькове остаться. Были бы у ребенка бабушка и дедушка. А тут что? Разве это родные! Почему твой отец не сказал: "Это моя квартира, и Лиза имеет на нее столько же прав, сколько и вы! Даже больше! Как вдова с сиротой". Между прочим, если бы я, дура, не пошла тогда в суд свидетельницей, им бы, – Клара свернула кукиш, – вот как вернули бы вторую комнату! Та баба, что к вам вселилась, была та еще штука! Ты бы на этот суд посмотрела, как они рвали друг другу патлы! Сонька кричит: "У меня муж на фронте!" А та ей: "А мой муж погиб!" А Сонька: "Мой муж тоже погиб!" Судья спрашивает: "Так на фронте или погиб?" Она говорит: "Один на фронте, а второй погиб!" В зале такой хохот поднялся! Кто-то кричит: "А третий – в тылу!" Если бы я не подтвердила, что в эту квартиру еще сестра с ребенком должна вернуться, то им ни за что не оставили бы обе комнаты! Имели бы вместо тебя эту скандалистку с двумя детьми.

– Да о чем ты говоришь! Я и не собиралась с ними жить! – разволновалась Лиза. – Там такая теснота...

– Не знаю! Неужели в комнате стариков нельзя было поставить две раскладушки?

– Да нет, Клара. Там же дети спят.

– Дети должны спать со своими родителями! Подумаешь – аристократы! Может, им еще кровать под балдахин? А если бы меня здесь не было, куда бы ты делась?

– Даже и не знаю. Честное слово. Но ты не думай. Это только на первое время, пока я устроюсь и сниму угол.

– Как тебе не стыдно! Ты меня обидишь насмерть! Чего тебе тут не хватает? – Клара обвела широким жестом свое продолговатое жилище с марлевыми шторками на приплюснутых окнах под потолком. – Если захочешь, можно будет для вас с Верой занавесочку вон там повесить. Ты думаешь, у хозяйки будет лучше? А, может, ты боишься, что у меня сырость? – ревниво насторожилась Клара. – Так чтоб ты знала, я все стены просмолила и обшила сухой штукатуркой!

– Да что ты! У тебя очень сухо. Просто не хочется тебя стеснять. Чужой человек в доме...

– Ты – чужой? Да если хочешь знать, кроме тебя, у меня никого близких не осталось!

– У меня тоже, Клара, никого, кроме тебя.

В комнате вдруг потемнело. В окне показались две пары ножек, затем две косо склоненные головки.

– Ма-ам! Можно снять кофту? На улице жа-арко.

– Давай, – разрешила Клара.

Оленька быстро высвободилась из своего синего джемпера и бросила его в окно. Клара поймала джемпер и накинула себе на спину.

– Мам! А у Оли летнее платье, а у меня – зимнее, – тут же заканючила Верочка. – Все уже ходят в летних платьях!

– Ну ладно. Иди сюда.

Лиза открыла чемодан. Нужное платье оказалось сразу под крышкой, аккуратно разложенное.

– Ты думаешь, ей жарко? – усмехнулась Лиза. – Просто хочет надеть новое платье. Это я сама сшила.

– Ой! Я помню эту блузку!

– Она была неудачная. Выбивалась из-под пояса. Я еще тогда хотела ее на Верку перешить, но думала, что для ребенка мрачновато. А в Харькове зашла в "Лоскуты", смотрю – как раз то, что мне нужно: полоски коричневого, полоски кремового... Видишь, как получилось?

– Прелесть! – искренне восхитилась Клара. – Хоть помещай в журнал мод! И материал чудный! Смотри – почти не помялось.

– Помялось! – заспорила подоспевшая Верочка. – Тут и вот тут надо погладить.

– Давай утюг, – покачала головой Лиза. – Она не отстанет.

Клара сама взялась погладить платье. Оборочки дышали новизной. Да и сиреневый в крупных коричневых горохах крепдешин не был сношен.

Верочка, поспешившая снять с себя платье, ежилась в беленькой рубашечке, вправленной в трусики. Лиза обняла ее, но Верочка вывернулась, поспешила облачиться в обновку и ушла вместе с пригорюнившейся Оленькой. Клара пошла закрыть за ними дверь и, удивленно улыбаясь, проследила за тем, как Верочка поднимается по лестнице, стройно ступая тяжеловатыми ножками и крепко сдвинув лопатки.

– Послушай, Лиза, – поспешила она обратно в комнату. – Ты замечаешь, какая походка у твоей красавицы?

– Ой! Такая растет кокетка! – с притворной досадой вздохнула Лиза.

– Моя Оля по сравнению с ней – просто пупс бесформенный! Это же маленькая женщина! Талия, попка – все на месте. Скоро пойдем покупать ей лифчик!

5.

1963 год.

В уютный тупичок коридора свет проникал только из-за угла. Грохот оркестра, топот и бряцание свадьбы доходили будто издали. Совсем рядом, за открытой форточкой, шелестел тихий ночной дождь.

Оля и Верочка сидели на столе. Им были хорошо видны все четыре окна зала. Раздвинутые шторы, развешенные по стенам плакаты с праздничными призывами, стенды с диаграммами трудовых успехов – все было одинаково красного, сатинового цвета. Огромная белая голова Ленина, с воинственным любопытством устремленная в зал, пугающе нависала над женихом и невестой.

Женские шаги быстро прошаркали по коридору, зазвякали пустые бутылки.

– Вот вы где! – радостно вскрикнула Соня. – А я уж думала, что вы ушли. Ну, как вам свадьба? А невеста? Правда, Женечка прелесть?

– Да, очень милая! – искренне откликнулась Верочка.

– А как тебе, Оленька, жених?

– Ой, тетя Соня, ваш Борька – просто красавец!

Соня удовлетворенно поджала губы.

– Да, Боря интересный. Но если бы ты видела моего младшенького, моего Юзеньку! – она налилась внезапными слезами. – Ему служить еще полгода. Мне кажется, я столько не выдержу! – И тут же расцвела. – Как только он вернется, у нас будет еще одна свадьба! Он познакомился по письмам с одной девушкой. Из Гусятина. Такая любовь – я вам передать не могу! Нэлечка... Я ее еще не видела, а уже в ней души не чаю! Я Мише прямо сказала: "Миша, ищи себе женщину с квартирой и освобождай мне комнату. Я буду жить только с Юзенькой и его семьей!". Вы знаете, что Миша снова развелся? Это была у него уже вторая... Весь в папочку! Он ведь у меня от первого мужа, – доверительно пояснила Соня. – У меня, Оля, первый муж погиб. Он был такой интересный! – голос ее задрожал и так же внезапно выправился. – Но Федя гораздо лучше! Ты бы видела, как он выглядел в военной форме! Он был большим начальником! Его очень, очень обидели! Когда надо было кровь проливать, он им был достаточно грамотный, а как... – Соня быстро вытащила из-под манжета платочек. – Ну ладно, мне пора к гостям.

Она на секунду обняла Олю за плечи и, наконец, ушла.

– Теперь понятно, – сказала Оля, – почему дядя Федя такой мрачный.

– Ерунда, – пожалала плечами Верочка. – Его выперли из армии десять лет назад. Так о чем я... – поморщила она переносицу. – Ах да! Ты не думай, что я с ним встречалась ради того, чтобы за границу уехать. Он мне нравился. Он из интеллигентной семьи. Родители учились в Сорбонне. Прекрасно воспитан, очень элегантен. Вообще, ты замечала когда-нибудь, как бывают элегантны негры? Это что-то такое... в крови, природный артистизм.

Оля растерянно кивнула, круглые глаза ее от изумления раскрылись, как цветы.

– Знаешь, Вера, я не какая-то там расистка или что... Но они так отличаются от нас! По моему, они совсем другие...

– Ну, не так уж и отличаются. Но мне именно то и нравится, что они другие. Бывают иногда такие... жестокие – как дети!

– Вер! А как мама на это смотрит?

– Мама? – Верочка вытянула ногу, носком золотистой туфли коснулась подоконника. – Что она может предложить мне взамен? Инженера? Бухгалтера? Ты представь себе всех этих мужчин, которых встречаешь в институте, на улице... Вспомни хоть одного, который подходил бы мне!

Верочка встала и выпрямилась, как бы давая Оле возможность рассмотреть свою странную фигуру: высокие, массивные ноги, округлый, необычайной ширины таз, неожиданно переходящий в тончайшую талию.

Оля подумала, что для этой талии, для узких покатых плеч вроде бы совсем не подходит крупноватая грудь, но как-то все оно вместе выглядело удивительно складно, включая невероятно длинную шею и узкое овальное лицо, дополнительно вытянутое огромным узлом каштановых волос на затылке.

– Вот видишь! – сказала Верочка.

Длинные ее глаза, как бы без белков, как бы сплошное голубое сияние от виска до виска, удовлетворенно улыбались. Она опиралась левой рукой о стену, и рукав ее черного платья, отороченный широкой полосой золотистого кружева, свисал, как раскрывшийся веер.

– Вся эта страна не для меня! Куда ни пойдешь, везде на тебя таращатся! Вот знаешь, я нарочно так одеваюсь, всем назло! Я иду по улице, и на меня все бабы плюются. Пару раз даже милиция остановила. У меня был такой наряд: длинная юбка, желтая, начиналась вот тут, чуть ниже талии, и коротенькая оранжевая блузка, наподобие индийской. Я еще и чалму иногда наматывала... Знаешь, они меня даже в "Окне сатиры" так изобразили!

– А на работу не сообщили?

– А как же! Даже собрание устроили. Я им предложила голосовать отдельно: против блузки, против юбки и против чалмы.

– Господи! И чем же это кончилось?!

– Да ничем... Поругали для вида. У нас народ интеллигентный, все понимают. Почему я обязательно должна быть, как все? У нас и так не страна, а инкубатор! – она кивнула в сторону зала. – Ты посмотри, как они одеты! Платье полуприлегающее, рукав три четверти... Это же в принципе не может быть элегантно! И еще дурацкая пуговица возле шеи! Что она держит? Это же униформа, только разного цвета! И мозги у них такие же, полуприлегающие. С пуговицей.

Оля порадовалась, что не настояла на своем, не обрезала рукава до модной длины.

– Мне тут скучно, мне тут делать нечего, понимаешь? – не горячась продолжала Верочка. – Я все равно отсюда уеду!

– Женечка! Иди сюда, лапочка! – раздался совсем рядом чуть насморочный голос жениха. – Ой! А тут оказывается – вы!

– Пойдем, Боря, – смутилась невеста. – Не надо им мешать.

Чувствовалось, что ей хотелось бы остаться.

У нее было широковатое, но очень благородное личико. За толстыми стеклами очков виновато моргали милые глаза. Она все поправляла на плечах белый шарф, призванный скрыть небольшой горбик. Портит ее, собственно, не горбик – просто сплюснутое туловище было слишком коротко для красивых, мягко вылепленных ножек и ручек.

– Побудьте с нами! – попросила Верочка. – У нас нет никаких тайн.

Она замолчала, придумывая, с чего бы начать новый разговор. Почему-то вдруг стал очень слышен звук дождя.

– Пойдем к гостям. Неудобно, – вздохнула Женечка.

Жених не отозвался. Он стоял у окна, подставив лицо влажному потоку воздуха, и вдохновенно шурился в темноту. Встряхнулся, вспомнил, наконец, о присутствующих:

– Ну как вы? У вас все хорошо?

– Да, – благодарно улыбнулась Оля, невольно перенимая его ласковую интонацию.

– Я рад, – кивнул он. – Я очень рад. Вы знаете, что мы купим за тети-Лизины деньги? Электробритву. Это гораздо удобнее! Ну ладно, мы пойдем... – он бережно взял Женечку за локоть.

После них в закоулке осталось что-то непонятное, хорошее...

– Подумать только! Это тот Боренька, который когда-то утопил валенок в сугробе! Помнишь, Вера?

– Помню.

– Тебе не кажется, что он чем-то похож на князя Мышкина?

– Не кажется. Он, конечно, идиот, но никак не князь Мышкин. Вообще мои братья...

Где-то внизу монотонно засигналила машина.

"Мышкин" вернулся. С зонтом.

– Пойдемте скорее! За вами приехало такси!

Лиза и Клара уже стояли в пальто.

– Мы тоже едем, – возбужденно пояснила дочери Клара. – Они нас подвезут.

Соня, не удовлетворенная таким скромным финалом, бросилась за ними на улицу, прямо под дождь, зябко обнимая себя голыми по локоть руками.

– Простудишься! – испуганно повторяла Лиза. – Иди, иди скорее!

Но Соня обнимала сестру, будто прощалась с ней навеки. Ко всему этому жених прибавлял суматоху, пытаясь всех накрыть одним зонтом.

– Сначала час ищи эту дыру, потом жди, пока они расцелуются, – забубнил было шофер и умолк: литая Верочкина нога двинулась на него из сырой осенней ночи.

Лиза и Клара с Олей разместились на заднем сидении. Жених, галантно помогавший женщинам сесть в машину, под конец еще и сунулся внутрь: проверил, как они там устроились.

– Иди же, Боренька, – попросила Лиза. – У тебя уже мокрая спина. И вот еще... Запомни, Боренька: у Женечки, конечно, есть недостаток, но ты должен понимать, что она выше тебя на три головы.

– Какой недостаток? – светло удивился Боря. – Вы знаете, она умеет играть на пианино!

Он говорил бы еще, но шофер включил зажигание. Машина тронулась. Сквозь мокрое запотевшее стекло было видно, как Боря стоит среди дороги с зонтом и все машет, машет.

– Нет, подумать только, как тесен мир! – откинулась на спинку сидения Клара. – Мы до самой свадьбы понятия не имели, что Женечка выходит за Сониного сына! Я, когда в зал вошла, так вся и обомлела! Смотрю – Соня стоит! Точно такая, как была, только поседела чуть-чуть. Но ей так даже лучше. Между прочим, Лиза, ты тоже совсем не изменилась. Мы сколько не виделись? Лет десять?

– Ну что ты! Хотя... – Лиза задумалась. – С тех пор, как мы переехали на Ереванскую...

– Да... Так вы бы видели, какой Соня подняла из-за нас тарарам! Усадила меня рядом с собой и такую чепуху несла весь вечер, что у меня уши вяли! Я ее спрашиваю: "Почему Лизы нет?", а она говорит: "Ты же знаешь мою сестру! Она дружит только с высокопоставленными! С тех пор, как Федю выжили из армии, она нас звать не знает!"

Оля потихоньку дернула мать за рукав.

– Вообще, ты меня, Лиза, извини, – продолжала Клара, – но у твоей сестры какой-то особенный склероз! "Моя, говорит, Лиза, тогда где-то разнюхала, что из подвалов будут выселять в первую очередь, и переехала к тебе, а мы, говорит, остались в квартире без удобств!" И кому она это рассказывает?! Мне!

– Ой! Бог с ней, Клара, – мягко улыбнулась Лиза. – Ты же знаешь Соню...

Верочка обернулась к ним, задевая своим пышным узлом потолок машины.

– Жаль Женечку. Чокнутая свекровь, чокнутый муж... Она не должна была выходить за него.

– А куда ей было деваться? – вздохнула Клара. – В ее возрасте и здоровой девушке трудно найти себе достойного человека. Что это за жизнь: без мужа, без ребенка...

– Вот я о ребенке и говорю. Кто может родиться от моего братика? Только какой-нибудь неполноценный. Я бы на ее месте нашла нормального человека и родила бы от него.

– Верочка! – тихо возмутилась Лиза. – Ну что ты такое говоришь? Просто помешалась на этой "наследственности"! Когда я была студенткой, считалось, что вся эта генетика – абсолютная ерунда.

– Ну как же ерунда? Я ни разу в жизни не видела папу, а ты сама говоришь, что я – его копия. Кстати, тетя Клара, вы видели ту фотографию. Я действительно так на него похожа?

– Да, глаза такие же. И улыбка.

– Бандитская, – со страстью добавила Лиза. – И характер такой же.

Машина чуть не проехала мимо парадного Клары.

– Вот здесь, здесь остановите.

Дождя уже не было, только ветер срывал с мокрых деревьев крупные капли.

Клара с Олей постояли на тротуаре. Почему-то казалось, что их бросили, что, отъехав, к ним мгновенно потеряли интерес, и что там, куда направились Лиза с Верой, гораздо уютнее и лучше, чем в Клариной квартире. Клара отперла дверь, с неудовольствием осмотрелась в передней.

– Все! Решено! Возьму деньги в кассе взаимопомощи и сделаем ремонт.

– Ты пригласила их к нам? О чем вы шептались с тетей Лизой?

– Она обещала показать меня профессору Абхакадзе.

– Аа-а... – протянула разочарованно Оля и стала расшнуровывать туфли.

Постель была холодная. Оля вытянулась, потом свернулась калачиком. Она чувствовала, что уснуть так скоро не удастся.

– Мам, я вот все думаю... Что, от Борьки действительно может родиться умственно отсталый ребенок?

– Чепуха! Все дело в воспитании. Возьми хоть Сониного старшего, Мишку. Обратила внимание, как он похож на Федю? Те же ужимки, те же шуточки... И как он волосы все время поправляет! Все потому, что с детства ему подражал.

– Зато Борька на отца совсем не похож.

– Борька? – Клара спустила с плеча шлейку лифчика. Помолчала, подумала. – Лиза всегда говорила, что он похож на Сонькиного первого мужа.

– Что ж, – улыбнулась Оля. – Может, Соня где-то встретилась с ним и по старой памяти...

– Нет, – уверенно перебила Клара. – Она все-таки не такая. К тому же говорят, что Юзя, их младший, и Борька очень похожи. А Юзя вообще родился после войны... Жалко, что его не было на свадьбе. Сонька уверяет, что он просто красавец. Хотелось бы взглянуть...

– Они все красивые. Только Миша зря наставил себе полный рот серебряных зубов... Я вот так смотрела на них сегодня: если о них ничего не знать, можно подумать, что это какие-то... молодые ученые...

– Как Сонька... – рассмеялась Клара. – Ее встретишь на улице – подумаешь, это актриса какая-нибудь... А ведь она даже как хозяйка – полное ничтожество. Они же у нее все по столовкам питались! Кто в школе, кто на работе. А в воскресенье она уж, так и быть, соизволит сходить к трамвайной остановке, накупит полную авоську пирожков "с мясом" по пять копеек и пару бутылок лимонада. Это у нее "праздничный обед"! Представляешь себе, что за мясо шло в эти пирожки, при такой-то цене! Их только пьяницы покупали...

– Но теперь уж теща Борьку откормит...

– Это точно! Борьке повезло. Да и Женечке тоже, я считаю. Конечно, ей не с кем будет слово сказать, но выйти с Борькой на улицу, показаться на людях – это ж одно удовольствие!

Пока он рот не раскроет, никто и не догадается, что он из себя представляет. Да и муж он будет неплохой. Ты заметила, как он с ней? "Лапочка", "кошечка"... Ручки целует... И откуда у них такой подход к женщинам? Старший – так вообще заигрывает с каждой юбкой! Даже со мной! Смотрит прямо в глаза, как будто у него с тобой были какие-то... "отношения"... Знаешь, – тихо рассмеялась Клара, – оно как-то волнуется...

– Ерунда! – сердито перебила Оля, чувствуя, как краснее в темноте.

Она вспомнила этот ласковый проникающий взгляд, роскошную шевелюру, нависающую над ней, как крона. Как он грозил ей издали пальцем, когда она пошла танцевать с Женечкиным однокурсником, как легонько пожал ее локти, помогая надеть пальто... Нет, Миша несколько не нравился Оле, но ей льстило его особое внимание, и слова Клары ее почему-то неприятно задела.

– Нет, – сказала она. – Я бы на Женечкином месте не вышла замуж за такого. Или хоть ребенка родила от кого-нибудь другого, не стала бы рисковать...

– С ума сошла! – подскочила Клара. – Я смотрю, Вера тебя сильно просветила за сегодняшний вечер. Может, и ты начнешь с неграми гулять?

– Тебе кто это сказал про негра? Тетя Лиза, что ли?

– Да нет, конечно. Соня. Я спросила, где Вера взяла такие кружева и туфли. Ну, она и сказала, что Вера гуляет с очень богатым негром.

– Вот врунья! – возмутилась Оля. – Во-первых, Вера с этим негром давно уже не встречается, ему родители не разрешили на ней жениться, а без их разрешения Вера не захотела. Во-вторых, кружева эти знаешь что? Кромка от старых занавесей. Вера их сама покрасила. И туфли тоже. Она смешала бронзу с лаком для ногтей.

– Молодец, – одобрительно крикнула Клара. – И подать себя умеет. Как она в зал вошла! Королева! Другая с такой попой стеснялась бы из дому выйти. А Вера еще и платье шьет, которое обтягивает ее со всех сторон! Ведь если разобраться, она просто уродливо сложена!

Чем-то Оле приятны были слова матери, однако она заспорила:

– Все чепуха! Вера – настоящая красавица. А главное – не такая, как все. Я завтра же отпорю эту дурацкую пуговицу с синего платья. И вообще, в таком виде больше его не надену.

– Ну давай, – саркастически подхватила Клара. – Вырежи и ты себе декольте до пупа, выставь напоказ колени...

– Было бы что выставлять...

– Если бы я была мужчиной, – сказала Клара мудрым всепонимающим голосом, который Оля не выносила, – я бы предпочла скромную милую девушку, такую, как ты. Мне бы не хотелось, чтобы ты попала под Верино влияние. Я этого боялась еще тогда, когда вы были детьми.

– Может, из-за этого вы и рассорились?

– Боже упаси! – возмутилась Клара. – Мы с ней в жизни ни разу не поссорились. Это из-за рентгенолога. Помнишь, к нам стал заходить... такой... черный...

– С палкой...

– Ну да. Ну так он вроде бы за мной ухаживал, а потом стал кокетничать с Лизой. Она и съехала. Чтобы не мешать. И напрасно. Потом оказалось, он ко многим вот так заходил... Глупо получилось. Как много все-таки значит родная кровь! Ты бы знала, сколько гадостей Сонька сделала ей в жизни! А Лиза все равно продолжает к ней бегать. Знаешь, сколько она дала Борьке на свадьбу?

Оля притворилась, что спит. Она, наконец, угрелась. Одинокие тяжелые капли ударяли по жестяному подоконнику. А главное, наступающий день был воскресенье, и проспаться его можно было хоть целиком.

6.

1967 год.

Каждый раз, когда кто-то выходил из кабинета паспортистки, Соня вздрагивала. Сердце у нее тошно колотилось высоко в груди. В коридоре было темно, и как только дверь открывалась, Соне в глаза бросался свет настольной лампы, придавленный к столу. Лампа подсвечивала снизу зловеще-красное лицо.

Почему-то Соня страшно боялась паспортистки. Они жили через два дома друг от друга, и частенько Соня, завидев, что паспортистка стоит у своего парадного в линиялом платье, с дырой под мышкой, делала здоровенный крюк для того, чтобы не поздороваться с ней, не попасть под ее похмельно-пристальный взгляд.

Соня знала, что кое-кто из соседей, неизвестно для чего, таскает паспортистке подарки на праздники. И сейчас Соне было жаль, что она никогда не делала этого. Принеси она ей какую-нибудь пудру или кусок мыла на восьмое марта – и сейчас было бы не так страшно.

Ноги ее дрожали, когда она переступала порог кабинета, но Соня вся подобралась и уверенно села, напряженно держа руки на сумочке, прижатой к коленям. Не поднимая головы, паспортистка с любопытством уставилась на нее поверх очков. Казалось, очки, съехавшие на кончик носа, продолжают читать разложенные на столе бумаги, а безжалостные глазки предупреждают, что не будет Соне никакого снисхождения.

– Я слушаю.

– Я хочу у вас спросить, – звенящим голосом начала Соня. – Что нужно сделать, чтобы отречься от сестры?

Паспортистка не удивилась, и это окончательно испугало Соню.

– Вот. Я на всякий случай написала заявление... – Соня открыла сумочку со второго раза и положила на стол большой лист, исписанный с обеих сторон.

Паспортистка сунула лист под самую лампу, посадила на место очки. Читала она долго и внимательно, не поднимая глаз, но Соня все равно старалась всем своим видом выразить спокойствие. С притворным интересом и уважением оглядывала обстановку, постепенно проявляющуюся во мраке комнаты. Шкафы. Сейф. Китайская роза. Роза обильно цвела. Соня свернула набок голову, подчеркнуто восхищаясь ею. Она больше не выдерживала молчания и решила вслух похвалить цветок.

– Прекра... – начала она, но паспортистка поднялась и вышла из кабинета вместе с Сониным письмом. Слышно было, как, торопливо пошаркивая, она удаляется в заповедные дебри, недоступные простому смертному. Соне казалось, что кто-то следит за ней из темноты, и она продолжала делать вид, что любит розой. Возвратилась паспортистка несколько оттаявшая, хотя и по-прежнему строга.

– В общем, так... – обратила она к Соне набрякшее лицо. – Сейчас у нас не культ личности, понятно? Даже сын за отца не в ответе. Чего ж вы должны отвечать за племянницу? Тем более, вы пишете, что ни сестра, ни племянница до вас не ходят...

– Вот именно! – счастливо заклекотала Соня. – Они даже на свадьбу к моему сыну не пришли! Мой сын – простой рабочий, женился на бедной девочке из села. Зачем они ей? Ей лучше с черномазыми на курорт ездить.

– Это вы оставьте! – перебила Соню паспортистка, сурово насупив нарисованные брови. – Что значит "с черномазыми"?! Нам все нации равны! Ты можешь не знаясь с ней за то, что она... плохого поведения! А негры тут ни при чем. У нас дружба с Африкой. Она ж не с американцем каким-нибудь гуляет! Вот вам ваше письмо – порвите его. А то за такие выражения...

– Спасибо! – горячо воскликнула Соня. – У меня такой груз, такой груз упал с души! – и приложила руку к груди, демонстрируя это облегчение. – Вы у меня просто камень сняли!

За дверью кабинета она яростно порвала письмо и затолкала обрывки в карман. И пока она проходила по коридорам, лицо ее светилось от счастья и дыхание радостно срывалось.

На улице к этой радости разрешившейся проблемы прибавилась легкость мартовского вечернего воздуха. Соня улыбалась прохожим, пассажирам в трамвае. И даже сама какой-то артистической частью своего существа верила в избавление, хотя другая часть трезво осознавала, что номер, возможно, не прошел, что не случайно паспортистка упомянула об американце. Почему не француз или немец... Не намекала ли она на то, что им все известно про Верочкиного дипломата и что в своем заявлении Соня о главном-то и не упомянула? И куда это паспортистка ходила с ее письмом? Что, если его там сфотографировали?

Соня чувствовала себя маленькой, загнанной, ни за что ни про что попавшей под власть этой безжалостной бабы. Все стояло перед глазами ее склоненное над бумагами лицо. И эта лампа, тоже недобрая, тоже заглядывающая в бумаги...

Соня была страшно зла на Лизу. Если уж ты не пришла на свадьбу, то нечего было являться через месяц с объяснениями. Кто ее за язык тянул! "Мы были в Москве, Верочка выходит замуж за американца, у нас большие неприятности..." Зачем Соне нужно было знать, куда Веру вызывали и что ей говорили? Подумаешь – избили ее в парадном! Не надо было нахальничать! Язык распускать, как Вера умеет. Да раньше бы ее за такое... Не хочешь, чтобы твою дочь били – не позволяй ей путаться с иностранцем! Но у Лизы ведь корысть всегда на первом месте! Вечно ищет себе каких-то обеспеченных, высокопоставленных. Не то что Соня – взяла и вышла за простого лейтенанта. И не позволила мужу пойти работать в торговлю, когда после войны ему предлагали руководить военторгом. Потому что для Сони важнее всего – чистая совесть. А благодаря дорогой сестричке она не может теперь спокойно спать. Что, если он еще шпион какой-то, этот Роджер? Чего он сюда ездит? В Америке ему мало гулящих?!

Надо было оборвать Лизу, как только она заикнулась об этом. Как-никак Федя военный... Вдруг у них в квартире есть подслушивающее устройство? А еще лучше – громко высказать Лизе, что она, Соня, думает о последних Верочкиных похождениях. И сразу вернуть подарки! А теперь что уж делать? Юзенька посадил пятно на свитер, а его косоглазая Нэлька ни за что не отдаст цепочку...

7.

1968 год.

В лесу было пусто и так светло, что выступали слезы. Прошлогодние листья и хвоя уже просохли, но новой травы еще не было видно. И так пахло, так пахло! Отъезжающая машина дохнула грязным, городским и быстро скрылась за нечастыми стволами сосен.

Верочка пошевелилась и стала подниматься. Выглядела она пугающе смешно. Высокий узел начесанных волос съехал набок и торчал над ухом. Узкая юбка, разорванная по обоим швам до самого пояса, висела наподобие передника и оставляла открытыми крутые голые бедра. Еще нелепее смотрелась узенькая курточка с игривым фрачным хвостиком, лихими манжетами и следами от оборванных пуговиц. Казалось, она никак не могла сойтись на этой крупной фигуре.

Верочка уперлась одной рукой в землю, другой – в литое белое колено. Встала. Хвостик опустился и прикрыл свежее бурое пятно на юбке. Верочка пошарила рукой вдоль застежки курточки, пытаясь обнаружить уцелевшую пуговицу. Без особых надежд поискала в карманах. Потрогала мочки ушей. Сережки были на месте. Она сняла их и кое-как заколола курточку: на шее – под высоким стоячим воротником, украшенным рельефным узором, и на талии. И там, и там курточка сошлась неожиданно легко. Это ничего не решало: в промежутке топорщилось на виду изодранное белье. Впрочем, в двух шагах валялось черное пальто. Зло охнув, Верочка нагнулась и подняла его. С жадной торопливостью влезла в рукава и застегнулась. Пальто еще не успело выстыть. Ей сразу стало лучше, но тут-то она почему-то и начала дрожать. Отдельно ей пришлось нагнуться за капюшоном с широкой черной пелериной. Что-то теплое медленно потекло по ноге. Она брезгливо вытерла ногу мятой белой тряпкой, попыталась снять засохшие разводы. Показать на людях в таком виде было невозможно, но Верочка рассчитывала на

неожиданный выход, который, как всегда, появится в последний момент. Какая-нибудь старушка с козой... Или там...

Она подумала, что все не так плохо, как можно было ожидать. Главное – она вполне устойчиво держалась на ногах. Верочка пошла между деревьями в ту сторону, куда уехала машина. Она надеялась, что на земле остались следы колес, по которым будет легче выбраться из лесу. Но следов не было. Будто машина не уехала, а поднялась с места вверх, как летающая тарелка. Верочка даже запрокинула голову. Вверху было небо и неподвижные макушки сосен. Верочка вслух хохотнула – и очень удивилась, услышав собственный смех. Что ж... Почему, собственно, нет? Полчаса назад она была уверена, что ее убьют и зарюют наскоро в этом лесу. И вот она идет, видит небо, шелушащиеся стволы сосен... Конечно, случись с ней такое лет в семнадцать-двадцать – она предпочла бы смерть. А теперь... А теперь она взрослый человек и знает, как все это будет. Сначала станет хуже, начнут одолевать мерзкие подробности... А потом все пройдет, забудется. В ее возрасте потеря невинности – событие скорее комическое, чем трагическое. И хотя лучше бы все это произошло не так, но... Вряд ли Роджер пришел бы в умиление, обнаружив под своей, прямо скажем, не юной невестой эдакую лужу... Да, без этого дара он точно предпочел бы обойтись.

Верочка снова рассмеялась. Вспомнила огромное пятно на дорогом импортном чехле, белом, с изящными розочками...

– Фиг отстирают! – сказала вслух Верочка и удивилась, как странно и чисто звучит ее голос. Он был такой, как все в этом лесу.

– В химчистку такое не потащишь, – звонко добавила она, будто пробуя новое перо на листе гладкой бумаги. – Или потащат? Скажут, что это враги ранили их товарища... на боевом посту! Или убили... А скорее всего, в их гадской организации даже своя химчистка есть!

Верочка говорила, говорила... Необычное звучание голоса, громкие язвительные слова помогали ей отвлечься: высокие каблуки то подворачивались, то внезапно проваливались глубоко в землю, вызывая целый каскад отвратительных ощущений. Вместе с тем она напряженно вслушивалась в ближние и дальние звуки: боялась, что уходит все дальше в сторону от шоссе.

– Конечно... Старая лошадь! Все должно происходить вовремя, в положенном возрасте.

Верочка остановилась: ей почудился плеск совсем неподалеку. Она свернула в сторону, поднялась на невысокий гребень и увидела озеро, большое и совсем гладкое, со странно пустынными берегами. Далеко за озером светились, отражая невидимое солнце, беспорядочные кубики недостроенных домов. Неживые краны с запрокинутыми стрелами возвышались над ними...

"И все это я бросаю?" – дрогнула захваченная врасплох Верочка и строптиво ответила себе: "Да! Бросаю. И лишнего дня не хочу здесь пробыть! Особенно теперь!"

Не получится с Роджером – найдет кого-нибудь другого. Самого плюгавого! Только бы выбраться отсюда.

Верочка спустилась к воде. Озеро не двигалось. Лишь изредка, как бы по рассеянности, выплескивалась ей под ноги слабенькая плоская волна.

Верочка вдруг почувствовала себя сиротой. Ей стало горько, что нет у нее отца, который бы ужаснулся, бросился куда-то мстить, добиваться правды. Был бы жив отец, он бы им показал! Ведь не может же быть, что этим негодьям дали такое задание в их сволочной конторе! Послали попугать. А их, гадов, занесло. Вот она сейчас выйдет на дорогу, поймает машину – и прямо в институт судебно-медицинской экспертизы.

Чепуха! Они всегда отвернутся, эти гэбэшники! Скажут, что они тут ни при чем, что на нее напали обыкновенные бандиты. Да они и говорить ни с кем не станут.

Верочка вдруг тоненько и зло заплакала. Мысль, которую она так долго отгоняла от себя, наконец вывернулась и стала перед ней во всей своей пугающей неразрешимости. А вдруг это действительно были бандиты? Нет! Она отказывалась даже допустить, что так легко, почти без сопротивления дала затащить себя в машину обыкновенным уголовникам. Потому что приняла их за... Как будто она могла бы отбиться от троих! Ерунда! Уголовники обязательно убили бы ее напоследок.

И с чего, собственно, она решила, что это могли быть уголовники? Из-за того, что они ни словом не заикнулись о Роджере? О ее звонках в посольство? Так, может, просто не успели, забыли. Избрали новую тактику.

Верочка чувствовала, что у нее поднимается температура. Ее все сильнее знобило, и вид холодной весенней воды вызывал отвращение. Но она пересилила себя и, придерживаясь рукой за крепкую ветку вербы, нагнулась, намочила тряпку и стала протирать ноги заодно с порванными чулками.

8.

1972 год

Соне остро дуло в глаз из замочной скважины. Лиза стояла слишком близко за дверью, и, кроме темной ткани ее платья, ничего не было видно. Несколько раз уже Лиза уходила, но минут через пять-десять снова раздавался ее звонок, двойной, резкий. Ребенок, давно одетый для прогулки, устал и захныкал. Невестка бросилась к нему на цыпочках, сдавленно зашептала. Соне почудился еще и звук шлепка, но она не стала вмешиваться. Это был удобный случай помириться с Нэлькой, и Соня не собиралась его упускать. Нэлька, крадучись, вернулась в коридорчик, с вопросительной ухмылочкой посмотрела на Соню.

Соня раздраженно пожала плечами. Звонков больше не было. Нэлька толстым бедром отпихнула свекровь, заглянула в скважину и увидела мутненький свет лестничного окна.

– Ушла! – радостно шепнула она.

Они гуськом переметнулись в маленькую комнату, с двух сторон спрятались за шторами. Лизы на улице не было.

Нэлька ушла на кухню, а Соня еще постояла. Она вдруг поняла, что очень хочет увидеть сестру, хотя бы издали, хотя бы со спины. Какая-то сила толкала ее высунуться из окна, окликнуть Лизу. Или хоть заплакать.

Соня затравленно оглядела комнату. Со всех сторон на нее тарасились черными дырочками электрические розетки. Высоко над дверью торчала плохо забеленная круглая коробочка неизвестного назначения. Особо подозрительным казалось ей старенькое радио. Может, их прямо на заводе уже делают с подслушивающим устройством?

– Что, нету? – крикнула из кухни невестка. – Наверное, она внизу стоит, в парадном. Сейчас Юзька пойдет с работы и наткнется на нее! Вот нахапка!

– Если Юзенька ее встретит, – громко подхватила Соня, старательно направляя голос в сторону радио, – это еще ничего. Но, не дай бог, Федя... Я не знаю, что будет! Он говорит, что таких, как она, не выпускать надо, а сажать на десять лет за предательство Родины! Он спустит ее со всех лестниц!

– А я б рада была, чтоб спустил! – сказала невестка, возвращаясь в комнату. – Шо ты лезешь до людей, спрашивается?! Едешь до своей проститутки – и едь! А людей нечего пачкать!

Соня солидарно поджалась. Лицом, руками, плечами выразила свое возмущение и полное согласие. Пожалуй, даже перестаралась. Но сейчас для нее главным было – вернуть себе доступ в маленькую комнату, к ребенку.

Нэлька видела ее насквозь и, не тая коварную ухмылку, принимала решение. Соня с трепетом ждала, вглядывалась в ненавистное лицо своей мучительницы, в неуловимое выражение ее глаз. Левый нагло тарасился, а правый жался к переносице, как бы жалуясь на что-то.

И такая-то стерва, да еще и длинноносая, да еще с выпяченным пузом отняла у нее любимого сына и не дает подойти к малышу, которого Соня любит больше, чем всех своих детей и внуков вместе взятых!

– По-моему, Котика пора снять с горшка, – заискивающе пропела Соня и сделала пробный полшаг в сторону детского манежа.

– Снимайте! – повела плечами невестка, и выражение ее глаз изменилось разом, будто стеклышки скользнули в калейдоскопе, но понятнее при этом не стало.

Соня счастливо метнулась к ребенку. Ей хотелось зацеловать это тоненькое усталое личико, огромные печальные глазки, верхнюю губку, подпирающую круглый розовый носик, но она сдержала себя, на секунду зарылась лицом в длинные, как у девочки, локоны и жадно чмокнула обслюнявленный кулачок. Потом потянула малыша к себе и чуть было не перевернула горшок, приклеившийся к попке.

– Бедный мальчик! – хрипло ворковала она и целовала, целовала тощий запотевший задик с розовым надавленным кольцом. – Смотрите, какую ваву сделали маленькому!

Невестку растравили не слова свекрови, а вид ее фигуры сзади. Если бы не седина в кудрях, уложенных в узел, ее можно было бы принять за женщину не старше тридцати: гладкие ноги, бедра под черной узкой юбкой, круто стягивающей талию – как нарисованные... И еще эта мужская сорочка с рукавами, подкатанными до локтей, и с кокетливо поднятым воротником. Верхние три пуговицы не были застегнуты, и из глубины маячило кружево дорогой комбинации.

– А ну, отдай сейчас же, сука старая! – вдруг заорала невестка и выдернула ребенка из рук опешившей Сони. – Думаешь, я тебе все забыла?! Пускай только вырастет – я скажу ему, как ты нас с Юзькой в Сибирь выгоняла!

– Я? Кто вас выгонял?! Я только хотела, чтобы вы себе на квартиру заработали!

– Ничего-ничего! Я ему расскажу, как ты меня гнала аборт делать, гадина ты такая!

– Смотри, сумасшедшая, ты ребенка испугала! – попыталась Соня перекрыть визг невестки.

Ребенок, привычный к подобным сценам, не испугался, только водил внимательными глазками с одной на другую.

– Надо было за своими детьми смотреть! Ты ж своим детям ни разу супа не сварила! Покупала им тухлые пирожки с ситром! У них из-за тебя все зубы повывлетали!

– А у тебя отчего повывлетали? – не удержалась Соня. Обычно она не позволяла себе замечаний по поводу невесткиного глаза и зубов, старалась даже не улыбаться широко в ее присутствии.

– Моя мама, – продолжала Нэля, не нагнетая скандал до чрезвычайного, – с двух лет растила нас сама, а ты за всю свою жизнь ни одного дня не работала, корова.

– А ты чего не идешь работать?!

– Не твое собачье дело! Я с ребенком сажу!

– А я с тремя сидела, и еще двое больных стариков были на моей шее!

– Это ты была на их шее! Они за тебя все делали!

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! Я еще много чего знаю... Как ты ночью мужа от себя гоняла, – чуть помедлив, прыснула невестка.

– Кто тебе такое сказал?!

– Кто... Кто надо! Мишкина жена.

– Какая, Генька или Ленка? Я знаю, это Ленка. Ленка меня ненавидела. За то, что я Юзеньке в армию каждый месяц посылала посылку. Как будто я у нее деньги брала. Она и Мишу против меня настроила. А ты повторяешь. Я каждые три месяца моталась в Воронеж и обратно. Меня там все офицеры знали!

– Во-во! Офицеры ее знали! – лениво поддерживала скандал невестка. – Нечего было ездить туда, позорить его перед солдатами!

– Если бы он письма регулярно писал, я бы туда не ездила. Ты у соседей спроси, что со мной делалось, когда от него не было долго писем!

– Это да! Это ты умеешь! – Невестка вдруг скривилась и весьма похоже изобразила характерный Сонин плач. – О-ой! От Юзеньки уже две недели нет письма-а!

Котик на ее руках отодвинулся, чтобы лучше видеть лицо матери, поморгал удивленно и, решив в конце концов, что это смешно – рассмеялся.

Зазвенел звонок. Женщины тут же замолчали и бросились на цыпочках в коридор. По дороге невестка сунула ребенка в манеж. Задетый его ножкой горшок перевернулся, из манежа

потекло на пол, и Котик с интересом стал наблюдать за тем, как ползет по полу задумчивая струйка.

Соня с невесткой, тесня друг друга задами, заглядывали в скважину. Там было то же самое – серо-зеленая ткань Лизиного платья.

Лиза еще раз нажала на кнопку. Она знала, что Соня дома. Еще минуту назад из квартиры слышны были голоса. И явно чувствовалось за дверью чье-то напряженное присутствие.

Лиза решила уйти. Зачем унижаться? Так ли уж это важно для нее – проститься с ними? Давным-давно уже ее не тянет в этот дом. И ничто не напоминает о юности. Разве что лестничная площадка.

Она подошла к окошку, которое, несмотря на ржавый налет многолетней грязи, пропускало на лестницу зеленоватое сияние раннего лета. Протерла ладонью подоконник, на минуту присела. Перед дорогой. Когда-то они с Соней выглядывали через замочную скважину и видели, как на этом подоконнике курит Илья.

– Всё! – сказала она. – Больше я сюда не приду!

Неловко погладила облупленную стену и пошла вниз по ступенькам, придерживая на коленях юбку, которую тербил и рвал лестничный сквозняк.

9.

1979 год

Машины съезжали по крутой дорожке, опасливо фырча и прижимаясь брюхом к земле. Таращась от напряжения, выезжали наверх... Они резко гудели то в лицо, то в спину Соне, оттесняли ее на самую кромку, туда, где бугристый лед не был посыпан песком. Соня судорожно семенила, цепляясь за оградку больничного сада, увязшего в снегу.

Поравнявшись с дверью хирургического отделения, она ухватилась за массивную ручку с такой ликующей благодарностью, будто этот предмет возник только что и исключительно для нее, Сониного, избавления.

В ослепительно белом приемном покое было тепло и пусто. Дверь в отделение, плотно прикрытая, выглядела неприступной, от свежeweымытого пола разило хлоркой. Главное же – окошечко с надписью "прием передач" было задраено наглухо изнутри. Соня постояла... еще раз вытерла ноги – и, наконец, решилась: тихонько постучала по крашеной фанерке. Ей показалось, что жизнь по ту сторону прекращена: ни дальнего звука шагов, ни внезапного звона больничной посуды. Она постучала смелее. А затем – от полной безнадежности – совсем громко, даже с несколько возмущенной интонацией.

Внезапно что-то лязгнуло у нее под рукой, фанерка поддалась – и на Соню двинулось сердитое смуглое лицо молоденькой няньки.

– Девушка! – виновато взмолилась Соня, – пожалуйста, в шестую палату!

– Вы что, читать не умеете?! – рявкнула нянька. – Ясно же написано: с десяти до двенадцати! А вы когда заявились?

С той стороны няньку о чем-то спросили.

– Да совести у людей нет! – откликнулась она. – Ходят, когда захотят...

Соня испуганно отшатнулась от распахнувшейся двери, но пожилая сестра в казенной телогрейке, наброшенной поверх халата, с полным безразличием прошла мимо нее. И только у выхода вдруг остановилась и через всю пустую гулкую комнату спросила:

– Послушайте! Вы случайно не сестра Елизаветы Яковлевны?

– Да, – растерянно обронила Соня.

– Ну вот! А я вижу – вроде лицо знакомое. Лиза вас как-то приводила ноготь снимать. – И крикнула, возвращаясь к окошку. – Надя! Отнеси передачку в шестую. Это же Елизаветы Яковлевны сестра! Ну, как у нее дела, у Лизы? – продолжала она, понизив, наконец, голос. – У

меня, знаете, сильные угрызения совести: мы с ней очень дружили, с Лизой. Я бы ни на что не посмотрела, переписывалась бы с ней, но сын не разрешает: он философию преподает в университете, пишет докторскую... Приходится мне у людей про нее выспрашивать...

– Конечно, – понимающе подхватила Соня. – Я тоже не переписываюсь с ней. У меня три сына – и я не имею морального права портить им карьеру!

Медсестра покивала:

– Чем для детей не пожертвуешь! Лиза бы тоже с места не тронулась, если бы не Верочка! Как ее все на работе уважали! И квартира была, и все в квартире...

– Вот именно! – вытащила батистовый платочек Соня. – Все Вера! Сорвала мать с места! вытащила ее в этот Израиль, который все время нападает на кого-нибудь, сама в Париж укатила, а мать бросила в нищете! Одну, без своей постели! без своей подушки!

Женщина оторопело уставилась на Соню и не дала ей закончить, довольная тем, что может сообщить приятную новость.

– Да что вы! Это у вас совсем старые известия! Она давно уже устроилась! Там медсестры ценятся – не то что у нас! Особенно такие, как Лиза. У нее уже и квартирка своя, и прекрасная обстановка. Вы ж, наверно, Клару знаете – у которой она жила после войны. Лиза ей такие посылки шлет, что Клара могла бы уйти с работы!

Соня прижала к губам кулак и затрепетала, как пойманная птичка.

– Зайдите к Кларе, – продолжала медсестра, – она вам покажет письма и фото. Лиза так чудно выглядит – куколка! А Ве-е-ра!.. Она и тут модница была. Когда Лиза уезжала, она Верочкины наряды нашим девочкам подарила! Она вообще почти ничего не продавала. Так, сотрудникам, знакомым раздавала...

Вернулась нянька. С чуть виноватым видом вручила Соне мешочек и записку. Соня пробежала глазами по кривым корявым строчкам и даже не попыталась их понять.

– Пойдемте, я вас провожу, – предложила медсестра, – мне как раз надо в терапию, я вам расскажу по дороге...

Славику еще на первом этаже показалось, что он слышит голос бабушки Сони. Он заскакал через две ступеньки, но под дверью остановился. Из квартиры доносились громкие возбужденные голоса, и Славик решил подождать, пока скандал утихнет.

– Нет, подумать только! Отдать какой-то няньке телевизор! – кричала баба Соня. Голос ее, и так от природы хриплый, казался совсем сорванным. – И это еще ничего! Он хоть старый был! Но совсем новый холодильник! Отдать чужому человеку, когда ты знаешь, что у твоей сестры паршивый "Саратов"!

Славик поставил на пол портфель, прислонил к стене нотную папку, стряхнул с ушанки капельки растаявшего снега.

– Сваха! Но вы же сами говорили, – бухал примирительно басок деда, – что не пустили ее на порог, когда она зашла попрощаться! Что же она должна была делать?

– Но Клара, Клара-то какова! – продолжала надрываться баба Соня. – Чтоб она подавилась этим холодильником! Ничего, ничего! Он ей впрок не пошел! Ее корова так и не вышла замуж со своими двумя институтами! Что значит – ты берешь у чужого человека такую ценную вещь?! Она должна была сказать: "Нет! У тебя есть родные!" Честный человек на ее месте не взял бы!

– Честный человек взял бы холодильник и отвез его вам, сваха! И еще свои деньги заплатил бы за перевозку!

Славик резко нажал на звонок. Не то что бы он любил бабу, но он не выносил, когда дед начинал высмеивать ее или отца Славика.

– Кто там? – донесся из-за двери тихий задыхающийся голос.

– Это я, мам!

– Зайчик, зайчонок, – Женечка стала на цыпочки и поцеловала мальчика.

Соня, услышав голос внука, поспешила в коридор, расцветая на ходу.

– Где он, где он, мой внук дорогой? Дайте мне его обнять! – восторженно заклекотала она. – Боже мой, как он вырос!

Славик покорно нагнулся к бабке, и она стала покрывать жадными поцелуями его лицо, курчавые светло-русые волосы, все в мелких капельках растаявших снежинок.

– Боренькина копия! Боренька в детстве был точно такой! – с жаром повторила она несколько раз, не замечая, что эта похвала не особенно радует окружающих.

– Он закончил четверть на все пятерки! – гордо сообщил Боря.

– Умничка моя! – гордо откинулась назад Соня. – Это в каком ты уже классе – в пятом?

– В шестом, – без обиды уточнил Славик. – А почему ты, бабушка, Котика не привела?

– Да эта сумасшедшая, Нэлька, мне не позволяет даже выйти с ним погулять!

– А как дедушка Федя? – поспешил сменить тему Славик.

– Дедушка?.. – Соня горестно скривилась, губы у нее задрожали. – Очень плохо, детка. Очень! Ты же знаешь – дедушке сделали операцию, зарплату ему не дают.

– Нет, – наставительно уточнил Боря. – Зарплату ему не дают, мама, но ему дают бюллетень.

– Бюллетень! – горестно подхватила Соня. – Что такое этот бюллетень! Ты же знаешь, папа еще подрабатывал.

– Да, – согласился Боря, – я знаю.

– Ну вот! – раскисла от жалости к себе Соня. – А теперь он мне из больницы каждый раз пишет что-нибудь другое: то бульончик ему хочется, то морковный сок. А сегодня потребовал кусочек красной рыбы! Где я ему возьму красную рыбу?! Нэля ребенку дает каждый день по такому вот кусочечку, для аппетита. Я у нее попросила – так она мне фигу показала! Вот сволочь! Я ей такого сына отдала! Такого семьянина! Он еще бакенбарды отпустил! Вы бы видели, какой красавец! А она залепила свой холодильник куском пластилина и делает значком печать, чтобы я не могла туда заглянуть!

– Не может быть! – изумилась Женечка.

– Клянусь тебе детьми! Я же боюсь теперь шаг сделать в собственном доме!

– Это неправильно! – возмутился Боря. – Это твой дом, и ты не должна бояться делать шаг! Правда, Женечка? Правда, золотко мое?

– Да, Боренька.

– Ну вот, – окрыленно продолжил Боря. – А холодильник – их. Значит, холодильник тебе нельзя трогать. Надо было тебе взять холодильник у тети Лизы. Жалко, что ты не взяла! Да, Женечка? Хороший холодильник!

– Знаете что, Софья Яковлевна, – прервала Женечка взрывоопасный разговор. – Давайте мы с мамой прямо сейчас сложим передачу Федору Захаровичу! У нас есть как раз бульон из курицы. Набери, пожалуйста, мама, в баночку.

– Конечно, конечно, – засуетилась Рахиль Давидовна. – Сейчас все сделаем. Бульончик как раз хороший. Мне попала такая чудная курица! Это очень удачно, что Вы именно сегодня пришли. У меня еще кое-что есть.

Она полезла в холодильник и вытащила из-под морозилки рюмочку с черной икрой.

Соня, с молитвенно сложенными руками, следила за тем, как Женечка намазывает икру на ломтик батона. Боря недовольно сипел у нее за спиной. Ему вообще не нравился обычай Женечки и ее матери угощать всех и каждого, да еще давать еду с собой. Но поднять руку на детскую икру...

– Эту икру, мама, – сообщил он недоброжелательно, – мы купили у спекулянтки специально для ребенка, мы никто ее даже не попробовали. Правда, Женечка?

– Да, Боренька, но Федору Захаровичу мы намажем пару бутербродиков. Скажете: это Славик лично передает дедушке. Ему приятно будет.

У Сони от благодарности пропал голос.

– Давайте вашу сумку, – продолжала Женечка, – мы все вам туда сложим.

Соня открыла сумку и вытащила мятый кулек с пирожками. На Женечку дохнуло нездоровой отрыжкой.

– Вот, Женечка, возьми. Разогреешь, будет тебе на ужин. Это я Феде несла, а он мне вернул. Он стал такой капризный! Просто не знаю, что дальше делать.

– Послушайте меня, сваха, – мягко вмешалась Рахиль Давидовна. – Сходите к Кларе, возьмите у нее Лизин адрес и напишите ей.

– Не знаю... – замялась Соня. – Клара, она такая... Она может и адрес не дать! Она всю жизнь старалась меня поссорить с Лизой!

– Ничего подобного, – перебил старик. – Сообщите, что и как. Что Федору Захаровичу сделали операцию, что его надо поставить на ноги... Она же не злопамятная!

– Да! – вдохновенно подхватила Соня. – Я именно так и сделаю! Вы же знаете, как она любила Федю! Но понимаете... Когда будут проверять письмо, могут подумать, что я жалуюсь... Начнут детей вызывать...

– Ну что вы все трясетесь, сваха! Кто такие ваши сыновья? Директора? Их понизят по службе? Переведут из главных грузчиков в рядовые инженеры?

– Папа! – умоляюще вскрикнула Женечка.

– Я работаю на военном заводе, – вставил свое слово Боря. – Мне не нужны родственники за границей!

– Знаете что?! – взмолилась Соня. – Попросите Клару! Она же все равно с Лизой переписывается – пусть опишет ей мое положение! Только так, чтобы постороннему непонятно было, о ком идет речь.

– Хорошо, – сказала Рахиль Давидовна. – Она как раз обещала заехать ко мне на той неделе...

– Нет-нет! – заканючила Соня, – поезжайте лучше к ней прямо завтра. И пусть обязательно напишет, что у меня врачи обнаружили катаракту... И пусть напишет, что мне назначили долевую пенсию – 23 рубля, и что невестка надо мной издевается и бьет меня...

Утреннее солнце осветило подоконник. Соня решила, что надо встать и убрать с окна продукты. Она накинула халат поверх сорочки, расчесала волосы, но не собрала их, а оставила распущенными – густые и пушистые. Так и проплыла мимо невестки, сурово мешающей манную кашу на плите. Туда... Затем обратно...

Она взяла с окна сумку с продуктами, стала раскладывать на столе пакеты. Сваха не поскупилась. В литровой банке плавали две куриные ножки. Другая была наполнена салатом оливье. В пергаментной бумажке поверх бутербродов лежало несколько кружочков сервелата. Все пахло свежо и вкусно. Еда не засохла, только чуть зачерствел хлеб. Соня слизнула выдавившиеся из щели бутерброда икринки и развернула его. Получилось неаккуратно, где-то совсем не оказалось икры, где-то – слишком много, где-то осталась и вовсе голая плешь без масла. Соня пальцем подправила масло, равномерно раскатила икринки. Она взялась было снова сложить бутерброд, но подумала, что когда Федя в больнице разнимет его, он снова будет такой же непривлекательный. А если к тому же его увидят няни или медсестрички, они решат, что Соня какая-нибудь миллионерша и может за каждую мелочь разбрасываться рублями и трешками.

– Котик! – позвала она, выглядывая в коридор. – Иди быстро! Бабушка что-то даст.

"Иди, иди", – послышался за дверью шепот невестки. Котик вошел. Без интереса оглядел заваленный угол стола. Соня заманчиво повертела бутербродом у его носика.

– Я не люблю такое, – отодвинулся от икры Котик. – Дай лучше это! – указал он прозрачным пальчиком на колбасу.

– Это же вкуснее! – огорчилась Соня и отломала маленький кусочек. – Открой рот! Съешь это – и я дам тебе колбаску. Можешь хлеб не кушать – только икринки.

Котик, морщась, слизывал икру, а Соня доедала за ним кусочки хлеба с подтаявшим маслом. Салата в банке было гораздо больше, чем нужно одному человеку. Соня свалила половину в мисочку. В освободившееся место удобно уложила кусок курицы.

Спускаясь по ступенькам с этой баночкой, Соня испытала легкие угрызения совести, но тут же утешила себя, что скоро их с Федей жизнь пойдет совершенно по-новому. Старательная сваха наверняка уже побывала у Клары.

Возле почтового ящика Соня остановилась. В дырочках что-то светлело. Сердце у Сони вдруг заекало, как будто это могла быть весточка от Лизы. Она все-таки открыла ящик. Там лежал счет за электричество.

10.

1980 год

Утро выдалось неожиданно горячим для мая, но в тесных, как ущелья, улочках было прохладно. Плоские сиреневые тени, поваленные друг на друга... Осколки солнечного света на перекрестках... Малыш все время стремился забежать вперед и, стоя на солнышке, с веселым нетерпением оглядывался на Лизу. Белая футболка в красную полоску была на него велика и выглядела как платице, густые, плохо постриженные волосы торчали наподобие стожка.

– Ну, Энди, куда ты поведешь меня сегодня?

Энди на секунду сощурился и выбросил далеко вправо тоненькую ручку.

– В Сен-Сюльпис. – Затем снова задумался, сообразил что-то и указал в другую сторону: – В Люксембургский сад.

– В садик, – обрадовалась Лиза, – это хорошо, пойдём.

Ей хотелось на открытое пространство. По правде говоря, она представляла себе Париж и просторнее, и чище.

Знаменитый сад показался ей куда скромнее тех садов, где прошли ее детство и юность. Ей, правда, очень понравились клумбы. Цветы были какие-то незнакомые: желтые, красные, с невидимыми стебельками. Они были похожи на рой бабочек, разом поднявшихся над травой.

Лиза приложила руку козырьком, прикинула, в какой аллее глубже тень. Но Энди отказался туда идти, он чего-то ждал у заборчика на самом солнцепеке. Большое здание за заборчиком было, очевидно, известной достопримечательностью: туристы останавливались у клумбы и фотографировались на его фоне. Опрятный старичок в сером костюме, с младенчески свежей кожей и легкой, негустой сединой, о чем-то попросил Лизу и протянул ей фотоаппарат. Лиза растерялась, но ей было приятно, что этот человек принял ее за француженку. Старичок приветливо улыбался и тыкал пальцем в фотоаппарат и в двух немолодых женщин, принявших "фотогеничную" позу. Пока Лиза сообразила, чего от нее хотят, к ним подоспел бородатый парень в шортах, взял у старика фотоаппарат и несколько раз щелкнул его с дамами. Лизе почему-то стало жаль, что не она помогла старику.

Старик и его спутницы, по-видимому, чего-то ждали, как и Энди. Лиза вскоре поняла, чего именно. За заборчиком остановился автобус, и оттуда будто посыпалось что-то яркое, сияющее как елочные украшения – молоденькие парнишки в ладных черно-белых мундирчиках с неправдоподобно начищенными золотыми бляхами и шнурами. Мальчики очень старались выглядеть равнодушными. Возможно, им и удалось бы это, если бы не Энди. Он так ошалел от восторга, что запрыгал с визгом, заметался, и один из солдатиков не сумел сдержать улыбки, а за ним еще несколько. Самый старший поманил Энди пальцем – но малыш бросился не к нему, а в объятия к Лизе, уже почти рыдая от счастья. Лиза тоже чуть не заплакала: впервые за всю неделю, проведенную с Энди, она почувствовала, что этот ребенок, вразной стрекочущий на трех языках, для которого Люксембургский сад – привычное место прогулок, а Роджер – родной человек, – что этот ребенок принадлежит и ей. Лизе было очень неудобно на корточках, но она блаженствовала, прижимая к себе радостно трепещущее тоненькое тельце.

– Madame, puis-je prendre en photo cela? *

Лиза ничего не поняла, но приветливо кивнула старику. Он стал наводить на нее фотоаппарат, стараясь, чтобы в кадр попали и солдатики, и дворец, и клумба с красными и желтыми цветами. Энди кокетливо склонил голову, помахал ему рукой, и старик щелкнул еще два раза. Лиза хотела подняться, но у нее заболели колени, она покачнулась и весело охнула. Старик поспешил к ней и подал руку. Рука оказалась неожиданно крепкой и очень приятной. Лиза благодарно взглянула на него сквозь седую челочку.

За Роджером захлопнулась дверь, и Лиза начала одеваться. Она очень уважала зятя, но в его отсутствие ей становилось легче дышать и двигаться. И в квартире делалось как-то светлее, просторнее.

– К тебе можно, мам?

– Конечно!

Верочка вошла в голубом утреннем халатике, с лейкой.

– Забыла вчера полить. Видишь, уже листики опустились.

– Еще бы! Такая жара! Я вчера слышала прогноз: в Израиле и то прохладнее.

Верочка присела и стала поливать вазоны, укрепленные на оконной решетке – слабым подобии балкона. Лиза залюбовалась дочерью. Каждая поза Верочки казалась ей красивее предыдущей – особенно на фоне окна. Лизе нравились эти окна до пола, пропускающие в дом столько света.

Верочка кончила возиться с цветами, плюхнулась на диван рядом с матерью, притянула к себе конверт с фотографиями.

– Хорошие снимки.

– Да, – горячо согласилась Лиза. – И так трогательно, что он не забыл их прислать!

– Нда-а... – промямлила Верочка, – это мило. Он хорошо говорит на идиш?

– Еле-еле. Еще хуже, чем я.

– Почему же он заговорил с тобой на идиш?

– Он спросил у Энди, откуда я приехала, и Энди ответил, что из Израиля.

– Надо будет поговорить с Энди. Что это он стал на улицах разговаривать с кем попало?

– Что ты, Веруся! – удивилась Лиза. – Это не "кто попало"! Сразу видно, что это достойнейший человек! Мне кажется, тебя волнует то, что я дала ему ваш адрес. Ты сердисься?

– Чепуха какая! Совсем не сержусь. Просто я должна была тебя предупредить. Тут тебе не Советский Союз и не Израиль, тут не заводят знакомства в сквериках. В принципе можно даже нарваться на неприятности.

– Бог с тобой! Я же видела, с кем я знаколюсь! Это очень, очень славный человек. И явно из каких-то высших кругов. Мне даже кажется, что он миллионер. Я думала, может быть, вам с Роджером пригодится такое знакомство...

Верочка расхохоталась, откинувшись на спинку дивана и вытянув во всю длину босые белые ноги. В снисходительном отливе ее смеха было что-то обидное.

– Ма-а-ма! Ты меня уморила! Миллионеры не сидят на лавочках в саду!

* (фр.) Мадам! Вы разрешите заснять это на память?

11.

1981 год

Серебристо-серый мех потянулся из туго набитого шкафа, заблестел на солнце, как грозовая туча.

Соня набросила пелерину на плечи, застегнула и, накренив голову, как на своем "венгерском" портрете, вскинула удвоенные очками глаза.

– Ну как, доктор?

– Какая ж красота! – искренне восхитилась участковая, любясь сиянием серебристого меха и пышной Сониной седины. – Оставьте ее себе! Зачем вам ее продавать? У вас же нет такой нужды, как раньше.

– Ну куда я могу надеть такую вещь, доктор? Я же нигде не бываю.

– И напрасно, вот что я вам скажу! У вас такие красивые вещи! Наденьте эту пелерину и пойдите куда-нибудь в театр. Люди будут думать, что вы жена посла или иностранного президента! Или хоть возле дома пройдитесь с Федором Захаровичем.

Соня засмузилась, заиграла своими бывшими ямочками, превратившимися в глубокие бороздки на щеках.

– Нет. Все-таки продам. Я человек пожилой, мало ли что со мной может случиться. Не хочу, чтобы Нэлье досталось. Она у меня не заслужила. – У Сони покраснел нос и брызнули слезы из-под очков. – Она мне вчера нарочно прибила руку дверью, чтобы я не видела, как она эксплуатирует Котика. У меня за него душа кровью обливается. Я вам скажу, доктор: у меня много внуков. Боренькин сын – это просто вундеркинд: он и отличник, и стихи сочиняет, и учится на пианино. Но настоящее чувство у меня только к Котику.

– Конечно, – ответила участковая, – в кого вложишь больше труда – того и любишь сильнее.

– Вы правы, – заблестела своими быстрыми слезами Соня. – Ведь этот ребенок вырос у меня на руках.

– Ага! Вы ее больше слушайте, старую брехуху! – раздался из-за плохо прикрытой двери трескучий голос. – Вы ее спросите, или она один раз в жизни дитю пеленку постирала!

– Стирала! Стирала! – завопила праведно Соня.

– Когда это?!

– Когда ты в больницу попала!

– Ой! Держите меня! Я через два дня выписалась, а Юзька говорил, что сам все делал ребенку!

– Потому что он научился у тебя быть неблагодарным!

– Чего это я должна быть тебе благодарная?! – Нэля двинула в комнату свой восьмимесячный живот, подвязанный поверх халата красной японской шалью. – Ты меня три аборта делать заставила, гадина, а я тебе буду благодарная, что чуть калекой не стала?!

– Три аборта! – передразнила Соня. – Что же ты собиралась – десять детей рожать?

– Сколько захочу – столько нарожаю! Тебя не спрошу! Вот назло тебе каждый год буду рожать, пока другую квартиру не получу!

– Успокойтесь! Сейчас же обе успокойтесь! – испугалась участковая. – Софья Яковлевна после инсульта! Ты, Нэля, на сносях! Себя не жалеешь – подумай хоть о ребенке, которого носишь!

– Потому что я не хочу, чтоб она на меня всем брехала! Ходит и всем хвастается за Котика! А ведь она и с Котиком заставляла меня делать аборт!

И Нэля зарыдала бурно в голос. Соня тоже завывала, негромко и фальшиво, но при этом лицо ее пошло красными пятнами, так что врачиха всерьез испугалась:

– Все! Если вы сейчас не прекратите, я вызываю скорую помощь!

– Зовите! Зовите! – яростно завопила Соня. – Пусть эту сумасшедшую заберут в психбольницу!

– Это тебе там место! Поняла?! Сука! Ты меня с первого дня хотела с мужем развести! Ты ж сама с ним заигрываешь – с родным сыном!

– Ну что возьмешь с деревенской дуры?! – с деланной небрежностью усмехнулась Соня.

– Сейчас я ее убью, – спокойно сказала Нэля и схватилась за тяжелую пепельницу из литого стекла. Здоровый глаз ее загорелся и весело забегал. Участковая заслонила собой Соню, а Нэля заметалась перед ней, пытаясь то справа, то слева достать свекровь пепельницей.

– Еще раз обзовешь меня деревенской – кипятком обварю! У нас в селе люди добрые, честные! А вы тут все гады в своей засранной столице! Моя мать в больнице всю жизнь проработала, а ты кто? Паразитка! Всю жизнь перед зеркалом сидела! Знаете, что она делает целыми днями? Шмотки на себя меряет! А вчера, – поколебавшись секунду, провозгласила невестка, – я застала ее перед зеркалом голой! – и с этими словами поставила, наконец-то, пепельницу на место.

Соня завела глаза и покрутила у виска пальцем. Участковая искоса заморгала ей: не обращайтесь внимания, дескать, я не верю ни одному ее слову.

Из кухни потянуло горелым.

– У тебя там осталось что-то на плите? – подсказала участковая Нэля и подмигнула ей с тем же выражением, с каким секунду назад моргала Соне.

Нэля еще шире усмехнулась – правда, без полного доверия к участковой, – и, пренебрегая усиливающимся запахом гари, добавила:

– Семьдесят лет! Уже гроб пора покупать! А она перед зеркалом...

– Семьдесят?! – задохнулась Соня, но спорить не стала. – Кто-то и в семьдесят выглядит получше, чем другой в тридцать!

– О! О! Красавица! Что ж муж от тебя по соседкам бегаёт?

– По каким соседкам? – заморгала Соня.

– А по таким! Все знают, что он до Надежды Васильевны ходит!

Соня рассмеялась. За ней – врачиха. А потом и сама Нэля не выдержала. Смешнее ничего придумать нельзя было: съездившийся, как птенчик, Федор Захарович – и здоровенная грубая тетка со смуглым бородавчатым лицом.

Нэля, довольная собственной шуткой, подобрела и пошла-таки на кухню.

– Ну ладно, Софья Яковлевна, заговорились мы. Давайте все-таки померяем давление.

Участковая затянула на Сониной руке черную манжету. Соня заглядывала ей в лицо так, будто от той лично зависело, какое у нее будет давление.

– Вы знаете – ничего... Для вас вполне прилично! А теперь послушаем, как работает сердечко.

Соня стала расстегиваться. Участковая привычно подивилась ее круглым плечам, гладкой, как сливочное масло, коже.

– И сердечко ничего. – Она сунула стетоскоп в сумку и стала надевать пальто. – Задержалась я у вас, а у меня еще двадцать вызовов. Дома белье замоченное... Нет, правильно сделала ваша сестра, что уехала. Хоть на старости хорошо пожила!

– Моя Лиза! – подхватила Соня, не то одобряя, не то порицая сестру. – Она и здесь каталась, как сыр в масле! Вы думаете, она была какая-нибудь красавица? И вот пожалуйста! Сначала нашла себе начальника лагеря. У людей в это время нечего было есть, а она жила в отдельном доме и расхаживала в каракулевой шубе. Потом нашла себе хирурга с богатыми родителями. А этот у нее – вообще миллионер! У него несколько домов в Париже. И еще где-то... Возит ее по Япониям, по Испаниям. Задержитесь еще на минуточку, я вам его покажу.

Участковая послушно подождала, пока Соня достанет из-под подушки пакетик с фотографиями.

– Вот это, доктор, моя сестра, а это ее муж. Это они в Италии.

– Сразу видно, что хороший человек.

Старичок был ниже Сониной сестры и казался лет на двадцать ее старше. Но они как-то неожиданно хорошо смотрелись вместе, и как-то очень трогательно держали друг друга за руки.

– Он необыкновенный человек! – прижала руки к груди Соня. – Вот я хочу, чтобы вы прочли, что он мне пишет. Вернее, он диктует, а пишет Лиза.

Она всучила письмо вспотевшей участковой и ткнула пальцем в нужное место, но участковая тут же потеряла его и прочла первое, что попало ей на глаза: "...я еще раз очень прошу тебя сообщить Кларе мой новый адрес. Или напиши мне ее адрес. Объясни, что я потеряла его при переезде".

– Я бы приняла его приглашение, – продолжала Соня, – но разве можно с моим здоровьем так рисковать? Я не вынесу такую тяжелую дорогу.

– Да на тебе дрова можно возить! – донеслось из кухни. – Ты нас всех переживешь!

– Ну, – снова расстроилась Соня, – вы слышите, какая благодарность? И это за все, что я ей дала!

– Что ты мне дала? Что ты мне дала?!

- Я тебе сына отдала, такого красавца! Вы давно его видели, доктор? На него посмотреть – душа радуется! Что я ей дала! А квартира, а вещи!
- Вещи! Вещи Лиза присылает!
- Лиза? Может, это она тебе лично все посылает? Да если бы я хотела, я бы тебе ни одной нитки не дала из ее посылок! А я все тебе! Даже этот платок! Она его для Жени прислала, между прочим!
- На, забери свой платок, подавись! Отдай его своей Жене, пусть она им свой горб закроет!
- Я бы отдала, так ты же сделала из него грязную тряпку! Полотенцем не могла подвязать свое брюхо!

На лестнице участковая перевела дух. Постояла немного, чтобы остынуть. Посмотрела, как за грязным окошком лениво бродят крупные снежинки.

У парадной двери она столкнулась с Сониными внуками. Котик вел малышей за ручки. На пороге он заставил их потопать ножками и смел с сапожек остатки снега обломком веника. Стряхнул снег с воротничков. На всех троих были красивые курточки со множеством кнопочек и молний. Котик выглядел значительно младше своих двенадцати лет – бледненький, с длинными ресницами и тоненькой шейкой. Но с малышами он управлялся привычно, и в каждом движении его были уверенность и усталость отца-одиночки.

На углу, возле гранитной надолбы, участковая встретилась с Федором Захаровичем. Опасливо ворочая птичью голову направо и налево, он переходил дорогу. Из-под мышки у него торчал желтый батон, в длинной авоське одиноко болтался плавленный сырок. Он зябко хохлился в своем вечном жиденьком полупальто. Древняя коричневая шляпа, посыпанная снегом, была похожа на пирог.

12.

1989 год

В парадном было непривычно светло. Видно, кто-то удосуужился вымыть, наконец, окно на лестнице. Но, поднявшись на последние несколько ступенек, Женечка поняла, что оно просто выбито. Тяжелые капли изредка ударяли в лужицу, скопившуюся на облупленном подоконнике... У незапертой двери теснились празднично-яркие бумажные венки. В прихожей громко спорили. Дверь подрагивала от сквозняка, созданного, по-видимому, специально.

Боря остановился на пороге, зажал нос.

– Нет. Я туда не пойду!

– Как же, Боренька! Ведь это твоя мама! – умоляюще зашептала Женечка.

– Не хочу!

– Разве так можно, Боренька?! – испуганно подхватила Рахиль Давидовна.

– Мама, – попросила Женечка, – вы с тетей Кларой заходите, а я его уговорю.

Клара взяла приятельницу под руку, и они вошли в квартиру.

В комнате было полно народа. В центре, на кухонной табуреточке, ежился Федор Захарович. Увидев вошедших, он просиял от радости и бросился им навстречу.

– Надо что-то делать! – затараторил он, боязливо оглядываясь на дверь спальни. – Никто не хочет ее переодеть... В три часа приедет машина, а я не могу...

– Что значит "никто не хочет"! – возмутилась Клара. – У нее что, детей нет, внуков нет?!

Клара не знала, которые из этих многочисленных женщин – невестки Сони, и на всякий случай обращалась ко всем сразу.

– Вы – медработник! Это ваша непосредственная обязанность! – внезапно набросился на Клару осмелевший Федор Захарович.

– Хорошее дело! – хмыкнула Клара, сердясь на себя и на любопытство, приведшее ее в этот дом впервые за столько лет. – А что бы вы делали, если бы я не пришла? Неужели нет родственников поближе?

– При чем тут ты, Клара? – возмутилась Рахиль Давидовна. – Ты здесь посторонний человек, и тебя это не должно касаться. Пойдемте со мной, – наугад обратилась она к одной из женщин постарше.

– С какой это стати? – возмутилась женщина. – Я тут ни при чем. Вот пусть Мишкина теперешняя жена ее моет и одевает!

– Пусть ее Нэлька моет! – вскинулась молодая толстуха, повязанная черным платком. – Свекруха к ней всю жизнь подлизывалась, все под нее гребла и под Котика!

Женщины вокруг закивали одобрительно. Нэля под их горящими взглядами держалась так, будто ничего не слышит и не имеет отношения к происходящему.

– Успокойтесь! Хватит! – вмешалась подоспевшая Женечка, которой удалось-таки втащить в дом упрямого супруга. – Сейчас мы с мамой все сделаем!

Но тут Боря снова проявил свой твердый характер.

– Ты не пойдешь! – строго приказал он. – Пусть Юзька с Нэлькой идут! Она им все Лизины посылки отдавала! И все деньги! А нас даже в гости не пускали! Чтоб мы не видели, что у них есть! Вот пусть теперь сами ее моют! Славика посылали в командировку в Париж, так она мне даже адрес тети Лизы не дала! Я к ней пришел, а она говорит: "У меня нет адреса. Я его потеряла". А теперь хотят, чтобы мы шли ее мыть. Пусть Нэля с Юзькой туда идут!

– Ты не иди, Боренька, а я пойду, – сказала Женечка, мягко высвобождая свою руку. – Мы с мамой справимся. Ты только будешь приносить нам воду.

Нэля смотрела на происходящее, как поглядывают между делом в телевизор. За спиной у нее маячила на длинной шее крошечная голова мужа с живописными остатками былой шевелюры. Толстые стекла очков делали неуловимым выражение его глаз. Впалый рот удовлетворенно улыбался. Эта улыбка кого угодно могла вывести из себя, и первым возмутился Миша.

Клара только тогда его и узнала, когда он заговорил. Думала – старик какой-то.

– Ну и свинья же ты, Юзька, вместе со своей женой! Вон, на вас все шмотки Лизины, а вы маму голодом уморили! Все соседи так говорят!

– При чем тут мы? – нагло огрызнулся Юзя. – Мы живем в другом конце города. Мы не могли бегать сюда ее кормить!

– А что ж ты ее к себе не взял? – вмешалась в семейное разбирательство новая соседка, которую никто не знал по имени. – Она же просилась, чтобы ты взял ее к себе! А ты отказался, сказал, что даже в коридор ее непустишь! Я сама слышала!

– А как я мог взять в дом лежачего больного? – не сдавался Юзя. – У меня шестеро детей! А от нее воняло! И зараза разносилась!

– Ага! – торжествующе закричала одна из женщин, стоящих позади Миши. – Заразу вы не хотите, а Лизины деньги – пожалуйста! Вы ей нарочно на всех нас сплетничали, чтобы она никого из нас не признавала!

Какое-то общее возмущение выразилось на лицах сразу нескольких женщин, и Кларе пришла в голову безумная мысль, что все это – Мишины жены.

– Да если бы она мне хоть на столько сделала добра, – обратилась к Кларе худая высокая блондинка, – я б не знала, как ее благодарить! Разве я дала бы ей умереть в такой грязи?!

– Да она ж никого в дом не пускала! – подхватила другая, помоложе, крашенная в рыжий цвет. – Я малую к ней послала. Пойди, говорю: все-таки бабушка. Скажи, что ты замуж выходишь. На свадьбу пригласи. Мне от нее ничего не надо было, клянусь вам, я ничего даже не думала! Так она с внучкой со своей родной на лестнице говорила, непустила в квартиру!

– Точно! – добавила еще одна. – Я думала, что у нее тут королевские хоромы, она показывать боится. Я сегодня нарочно пришла, чтобы посмотреть. А у них тут та же самая рухлядь, что всю войну простояла. Вы посмотрите, какой накат на стенах. Такой уже лет сорок не делают! Хоть бы она на себя тратилась – не так обидно бы было. А то все Юзьке да Юзьке!

– Она всегда Юзьку больше любила! – заново разгневался Боря. – Она кулек конфет покупала и мне давала одну, а Юзьке – три! – Боря выставил кверху три пальца. – А теперь меня заставляют таскать воду! Пусть Юзька таскает, я больше туда не зайду!

– Что вы накинулись, что вы накинулись! – пошла на всех сразу будто пробудившаяся Нэля. – Она и нам ничего не дала! Она же из моих детей тоже никого не признавала, кроме Котика! И все деньги на него положила! Теперь, пока он не женится, нельзя снять ни копейки! Даже на похороны ничего не оставила, мы дали за гроб свои деньги, а остальное пусть папа дает!

– Откуда у меня деньги? Откуда у меня деньги?! – забеспокоился на своей табуретке Федор Захарович. – У меня пенсия маленькая! Я вообще не смогу жить один с такой пенсией! Я к Юзе пойду жить...

– Здравστε! – удивленно отпрянула Нэля. – У нас и так повернуться негде, так мне его еще не хватало!

– Перестаньте! – закричала своим слабеньким голосом появившаяся из спальни Рахиль Давидовна, отводя со вспотевшего лба тоненькие седые волосы, выбившиеся из прически. – Как вам не стыдно! За дверью покойник лежит! Все, кончились претензии! Ее больше нет! Плохая она была или хорошая – но она умерла! – голос у Рахили Давидовны задрожал, и она прибавила с трудом: – Неужели у вас нет для нее ни одного доброго слова?

Рахиль Давидовна заплакала. Тут же у всех женщин налились слезами глаза. Замелькали платочки, слышались всхлипывания.

– Ну почему же, – сказала одна. – Она, например, всегда следила за собой, всегда чистая ходила.

– И вести себя умела культурно.

– Любила Котика... – добавил кто-то.

– Она за Котика, – гордо подхватил Юзя, – дала бы себе руку отрезать!

– Она была такая красавица, – поднялся со своей табуреточки Федор Захарович, – что все мужчины за ней ухаживали, а она ни разу в жизни мне не изменила!

– Это правда! И вообще она была не злая. Нарочно она подлянку никому не делала!

Из спальни вышла Женечка. У нее был вид человека, долго пробывшего под водой. Она подошла к шкафу, открыла его и стала искать нужные вещи. Вещи все были добротные, праздничные. Слишком яркие для такого случая.

Нэля ревниво насторожилась, стала пробираться поближе к шкафу.

– Вот взяли бы сейчас ее платья – всхлипывая, проговорила рыжая, – и раздали бы каждому что-то на память! Нэля спокойно ответила ей кукишем, а Федор Захарович строго отрезал:

– Нет! Соня сказала, чтобы все вещи – Нэле!

Клара решила, что пора ей выбираться из этого сумасшедшего дома. Она была страшно зла на себя. Чего она хотела? Посмотреть на мертвую Соню? Или она тоже ожидала, что у Сони тут королевские хоромы? Или хотелось видеть ее хваленого красавца, этого Юзю? Господи! Ну конечно, беззубый рот какое угодно лицо испортит. Да и лысина – не большое украшение. Но такие уши, такой нос – хрящеватый, длинный, как у страуса... Невозможно представить себе, что когда-то это могло быть красиво.

На лестничной площадке дымила мужской папиросой новая соседка. Клара прошла поближе к выбитому окну. Влажный воздух освежил ее и немного успокоил.

– Вы родственница? – обратилась соседка к Кларе.

– Какое там! – досадливо открестилась Клара. – Были вместе в эвакуации.

– Уходите?

– Нет. Вышла подышать.

– Да. Запах ужасный. Кто ее знает, сколько она так пролежала. Это ж я обнаружила, что она умерла. "Занесу, – думаю, – тарелку супа". Он же ее одними пончиками кормил! Там и сейчас на столе целая гора. Засохшие, как камни.

Два воробья присели на край подоконника, зачирикали. Соседка пустила в них струю дыма.

– Он этот суп сам и съел. И с такой, знаете, жадностью! У меня, у постороннего человека – и то угрызения совести. А этим, – кивнула она на открывающуюся дверь, – хоть бы что!

Из двери высунулся серый от грязи ворох постели. Миша брезгливо свалил его в угол под окном.

– А за папу не беспокойтесь, – обратился он к отшатнувшейся соседке. – Папу я к себе заберу. Ничего. Как-нибудь прокормлю. Я добро помню. Как он меня носил, когда я сломал ногу.

– Ну и молодец, – похвалила соседка. – Только ты все это выбрось сейчас же, пока Надежда Васильевна не вышла. Тут же черви...

Она ушла ненадолго и вернулась с обломанным веником и пачкой газет.

– Убери все, пока не расползлись.

Клара могла уйти, но стояла, как загипнотизированная, и смотрела, смотрела на это живое движущееся тряпье. Ей казалось, будто это все, что осталось от Сони.

Миша расстелил несколько газет и стал веником скатывать на них постель. Что-то хрустнуло, из заляпанной наволочки высунулся уголок иностранного конверта. Миша вскрикнул победно, будто нашел клад.

13.

1991 год

Славик подошел к окну. Совсем рядом качалось и кивало старое дерево. То так, то этак прикладывало к стеклу свои ажурные листья. С трех сторон прижатое к дому изящной решеткой, оно, казалось, мучается от тесноты.

Славик подумал о том, что вся его группа сейчас ходит по Версалью, и вздохнул. Всего пять вечеров в Париже, и потратить один из них на старенькую бабкину сестру... Он и к бабке не очень-то ходил...

Лиза вошла в комнату с бутылкой вина, сверху донизу оклеенной внушительными этикетками, и остановилась в дверях.

– Что же вы не сняли до сих пор куртку?!

Славик неловко поежился, стал боком стаскивать ветровку.

– Перестаньте же, наконец, меня стесняться! – сказала Лиза и поставила бутылку на стол. – Вот, откройте, пожалуйста. Это очень хорошее вино. Верочка привезла из Бретани.

Вино показалось Славiku самым обыкновенным. Впрочем, он не разобрался в винах. Но Лиза цедила вино по капельке, явно получая удовольствие. Она сидела на стуле не облокачиваясь, и в этой напряженной стройности было что-то очень напоминающее горделивую осанку покойной бабки. Славик почувствовал, что и она разглядывает его, снял очки и стал их протирать.

Лиза задохнулась от умиления. Нет, такое сходство не могло, не могло быть случайным! Те же нежные виски, те же светло-русые курчавые волосы, глаза, сощуренные как бы от скрываемой боли... Как жаль, что она так и не спросила напрямик у Сони... Почему она решила, что это невозможно? А вдруг они встретились где-то с Ильей, случайно... Теперь все... Никто никогда не узнает правды.

– Я всегда очень любила вашего отца, – сказала Лиза. – Вы на него так похожи. А что другие Сонины внуки – какие они? Тоже светленькие?

– Да нет как будто. Вообще-то я не всех знаю... Вы только не подумайте, – добавил Славик, заметив укоризненную гримасу на лице Лизы, – что это я сторонюсь папиной родни. Они сами почему-то нас избегают.

– Как жаль, – сказала Лиза. – Из-за моих подарков рассорилась вся семья. А я-то старалась каждому сделать что-нибудь приятное. И почему Соня все отдавала именно этой невестке? Мне казалось, она с ней не ладит...

– Они и не ладили. Но бабушка очень любила Котика...

– Не знаю, – пожала плечом Лиза. – Почему именно Котик? Младенцем он был не очень-то привлекательным.

– Котик хороший, – улыбнулся Славик. – Впрочем, я давно его не видел. После бабушкиных похорон все окончательно разругались. И как вы думаете – из-за чего? Из-за этого выцветшего портрета! Помните, висел над диваном?

– Соня в "венгерском" костюме! – оживилась Лиза.

– Ну да! Дядя Миша забрал его себе, а папа страшно обиделся и сказал, что больше не хочет его знать. Он иногда такой бывает!

Лиза покраснела.

– Вам, наверно, неприятно, что он так скоро женился? – мягко спросила она. – Но вы ведь все понимаете... Если существует загробная жизнь, Женечка, конечно, рада, что Боря снова как-то пристроен. Она была ангелом!

– Да, мама была ангелом. – Славик споткнулся на слове "была": он еще не привык говорить о матери в прошедшем времени. – Не знаю, смогу ли вам объяснить... Конечно, она никогда не вышла бы за него замуж, если бы была здорова... Но она его очень любила. Я не встречал семьи, где родители так любили бы друг друга!

– Славик... Вы меня извините, но я хочу спросить... Вас не волнует проблема наследственности?

– Нет, – чуть помешкав, солгал Славик.

– Ну и молодец. А Вера – так прямо помешалась на этом! Она считает, что у нас в семье бродит какой-то неправильный ген... Я просто умоляла ее родить еще одного ребенка! Но она побоялась... Кстати, как вам Верочка?

Лиза приготовилась получить удовольствие, и Славик постарался не обмануть ее ожиданий.

– Никогда не видел подобной женщины! Мне о ней мама много рассказывала. Как вы с Верой танцевали у нее на свадьбе, и вся публика была шокирована вашими нарядами. Она все вспоминала какие-то кружева, вырезанные из занавески...

– Не помню, – с сожалением сказала Лиза. – Но Верочка всегда была выдумщицей. Несколько лет назад она пришла ко мне в изумительной шапочке! Я была в восторге, а она выворачивает ее на левую сторону, и оказывается, что это бывшие штанишки Энди!

Славик улыбнулся. Вообще-то он не понимал, зачем богатой женщине, живущей в Париже, мастерить шапочку из детских штанишек. Да и в целом Верочка его разочаровала. Все, что рассказывали о ней и мать, и бабушка, и тетя Клара с Олей, создало в его воображении какой-то странный образ, нечто среднее между Кармен и Софьей Перовской. Красавица, дерзко бросающая вызов всему вокруг... Ничего такого Славик не заметил. Парижу Верочка вызова не бросала. Даже напротив. В ее присутствии сам Париж приобретал излишнюю респектабельность и добротность. Он так же, как роскошная машина, как элегантный костюм, выглядел ее дорогой упаковкой. Пожалуй, лишь в глазах Верочки было что-то вызывающее и нездешнее: сплошная голубизна от виска до виска.

Может быть, ее взгляд и раздражал Славика больше всего. Эта женщина, ровесница его матери, с ним почти что кокетничала. Хотя надо признать, что выглядела она лет на тридцать, не больше, и чувствовала себя, по-видимому, так же. Победоносно выбрасывала из машины свои тяжелые ноги с холеными круглыми коленями...

Славик понимал, что несправедлив к Верочке. Что он все время сравнивает ее с матерью – сравнивает с какой-то укоризной, будто Верочка виновата в том, что радуется и цветет, в то время как его мать засохла, задохнулась... Он с бессмысленным злорадством представлял себе, как выглядела бы Верочка, останься она на родине, в своей двухкомнатной "хрущевке". Впрочем, скорее всего – точно так же. Только на это потребовалось бы гораздо больше усилий. А вот тетя Лиза, конечно, так не выглядела бы.

– Мне так жаль, что вы разминулись с Энди, – говорила Лиза, расставляя чайные чашки на маленьком столике. – Он будет очень огорчен.

Движения Лизы были несколько скованные и неуверенные, что никак не вязалось с ее подтянутой фигурой, гладким лицом, спортивной прической... Из-под всего этого, как неуклюжий каркас, пугающе проступала старость. И Славiku вдруг стало жаль Лизу. Он представил себе, каких трудов, каких лишений стоит ей эта красота. Естественная старость бабушки Рахили, с ее

морщинками, седеньким узелком, утиной походочкой враскачку казалась ему куда спокойнее и приятнее.

– Может быть, не надо чаю, тетя Лиза? Мне уже пора идти.

Лиза не стала спорить.

– Ладно. Не хотите – не будем. Скажу вам откровенно, Славик, я сегодня очень неважно себя чувствую. Меня замучил артрит. – Лиза с болезненной гримаской потерла сухую ручку. – Видно, у нас это наследственное. У Верочки тоже жутко болят колени. А лечиться как следует она не хочет.

Славик потянулся за курткой. Лиза поднялась.

– Вот. – Она положила руку на стопку упакованных вещей. – Я в каждый кулек сунула записку, чтобы вы знали, кому что отдавать. А это передайте Кларе. Скажите ей, что я ее помню и люблю. Но письма писать я уже не могу. И зрение плохое, и суставы... Да и язык я подзабыла. Все, все забывается! Кстати, у меня к вам просьба, – преодолевая смущение, сказала Лиза. – Поговорите с Мишей и с его семьей. Объясните им, что я уже старая. Что я не в состоянии ходить по магазинам, на почту... Все, что я могу – это передать с okazji немного денег. Понимаете, они все время просят что-то, а мне неудобно лишний раз обращаться к Верочке. Здесь все так заняты... Пока был жив мой дорогой муж, все было гораздо проще.

– Бог с вами, тетя Лиза! Ну что вы оправдываетесь! Вы никому ничем не обязаны! Одно дело – бабушка, а дядя Миша как-нибудь обойдется и без французских тряпок. На всех его потомков не напасешься. А теперь еще и жена молоденькая...

– Он что, по-прежнему красавец? – улыбнулась Лиза.

– Да я бы не сказал... Впрочем, последний раз мы виделись при таких обстоятельствах... На дедушкиных похоронах...

– Миша писал, что Федя умер от тоски по Соне... – Лиза помялась. – Не знаю, стоит ли об этом говорить, но в последних письмах Соня на Федю очень жаловалась. В его возрасте завести любовницу!

Славик рассмеялся.

– Какая ерунда! Видели бы вы, во что превратился дед после второй операции! Он был, как сушеный грибок. А соседка... Это же не женщина, а гранитный монумент! Она деда и не замечала! Я иногда думаю... У деда на старости появился какой-то вороватый тик. Наверное, в этом все дело. Вообще в самом конце бабушка его страшно мучила. Но после ее смерти он в какой-то месяц зачах.

– Да, – задумчиво проговорила Лиза. – Это такое счастье – умереть вместе с человеком, которого любишь. Мне не дано...

Славик помолчал, замаялся, не находя нужного выражения лица.

– Мне кажется, – продолжала Лиза, – я приносила несчастье всем мужчинам, которых любила. Они все рано умерли...

Она взглянула на портрет супруга, висящий над камином. Камин был уставлен китайскими вазочками и статуэтками.

Славик едва подавил улыбку. Он не считал смерть в восемьдесят девять лет преждевременной кончиной. Но неподдельная грусть Лизы его тронула. Славик подошел к камину. Благородная седина, пиджак, галстук были выписаны добротнo, в духе соцреализма. На фоне темных красок ярким пятнышком выделялась засунутая в угол рамы фотография маленького Энди.

– Они были так привязаны друг к другу, – сказала Лиза. – Хотя Энди всегда знал, что родной его дедушка был русский и что его называли Андреем в дедушкину честь.

– Такого человека действительно можно полюбить. Очень приятное лицо.

– О, да! – с нерусским акцентом подхватила Лиза. – Приятный – не то слово! Просто святой! Многие думали, что я вышла за него из материальных соображений. Уверю вас – это было не так. Я ни разу ни о чем его не попросила. Все, что он сделал для Верочки и для твоей бабушки, он сделал сам, по собственному желанию. Я нарочно отказалась от своей доли наследства, чтобы ни у посторонних, ни у своих не возникало никаких... никаких таких мыслей. Да и посудите сами: зачем мне такое состояние, такая ответственность? Его дети прекрасно ко мне

относятся, оплачивают все мои счета, квартиру и так далее... Я принципиально трачу совсем мало. Вот только квартира... – виновато замялась она. – Скромненькая, но стоит очень дорого.

– Разумеется. Такой район!

– Да. В этой роскоши я не смогла себе отказать. И еще дерево под окном... Это такая редкость в Париже! Вы не подумайте, его дети были готовы снять мне квартиру и гораздо лучше. Уж тогда я не позволила бы вам жить в гостинице!

– О, тогда я поселился бы у вас со всей съемочной группой и с аппаратурой...

Она рассмеялась. Славик стал складывать пакеты в дорожную сумку и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Ой! Чуть обратно не увез самое главное! Вот, тетя Лиза, то, что вы просили. Это с бабушкиной могилы.

Он держал в руках мешочек земли и не знал, куда его положить.

– Вон туда, – указала на подоконник Лиза. – Спасибо тебе, дорогой, большое спасибо!

Она проводила Славика до дверей и расцеловала его на прощанье. Лизе было искренне жаль, что Славик ушел. Она прикинула даже, не подъехать ли ей на вокзал, но тут же отказалась от этой мысли. Лиза обернулась к портрету мужа и сказала вслух:

– Я смогу звонить ему по телефону. Вышлю приглашение в гости. Вера поможет.

Она подошла к окну и еще раз увидела Славика. Он как раз переходил улицу. Лиза приготовилась ему помахать, но он не оглянулся. Спешил. А впрочем, откуда ему знать, что именно туда выходит это окно?

На мраморном подоконнике темнел мешочек. Лиза взяла его, подержала, борясь с брезгливостью. Она заметила, что и Славик явно почувствовал облегчение, когда сбыл его с рук. Что за блажь пришла ей в голову – просить его привезти эту землю! Земля как земля... И что теперь с ней делать?

Она вдруг вспомнила о красивой жестяной коробке из-под китайского чая и пошла за ней на кухню. На кухне еще длился закат. Салатовый, в мелких цветочках кафель тепло светился. Не хотелось возвращаться в комнату, где уже начались сумерки. Сквозь щель между двумя невысокими домами било в глаза быстро падающее солнце. Лиза вдруг подумала, что всего часа два назад солнце так же быстро падало там, далеко, и его было видно из окна комнаты, где когда-то жили они с Соней, а теперь живут чужие, незнакомые люди... Оно освещало последними лучами кладбище, Сонину могилку. Лизе захотелось оказаться там. Поплакать. Положить цветы.

Лиза снова вспомнила о мешочке и поспешила к нему. Но над мешочком не плакалось. Она затолкала его в коробку и накрыла крышечкой. И вдруг ей все показалось таким странным... И коробочка. И остывающая комната. И весь этот Париж. Несколько секунд она не могла даже сообразить, как здесь оказалась. Ей хотелось домой. Хотелось побежать за Славиком, будто он ушел именно туда...

Она знала, что там уже вечер. И отвесные склоны над рекой погружают во тьму свою буйную зелень. Там играет оркестр, прямо под звездами, на ярко освещенной сцене. Там мальчик со светло-русыми курчавыми волосами, так похожий на только что ушедшего Славика, самозабвенно прижимается щекой к хрупкому оранжевому тельцу скрипки. Смычки взмывают разом и разом опускаются, будто зачеркивают все плохое, что будет потом, а поднятый ими ветер полощет на коленях легчайшие юбки.